Козьмин Б.
С.В. Зубатов
и его
корреспон-
денты.
М.-Л., 1928
ЗБ
400
К-59

Б. П. КОЗЬМИН

*

С. В. ЗУБАТОВ И ЕГО КОРРЕСПОНДЕНТЫ

1 ★ 9 ★ 2 ★ 8

АРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Б. П. КОЗЬМИН

С. В. ЗУБАТОВ
И ЕГО КОРРЕСПОНДЕНТЫ

СРЕДИ ОХРАННИКОВ
ЖАНДАРМОВ
И ПРОВОКАТОРОВ

★

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1928 ★ ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО
в 1-й Образцовой типографии
Гиза. Москва, 17, Пятницкая, 71.
Глав. № А-8565. С. 51. Гиз № 24863.
Зак. № 77. Тираж 3.000 экз.

С. В. ЗУБАТОВ И ЕГО КОРРЕСПОНДЕНТЫ.

В рядах охранников и жандармов, которыми последний из Романовых окружал свой пошатнувшийся трон, рассчитывая за их спинами укрыться от вздымающихся волн народного негодования, Зубатов был фигурой, самой яркой, выдающейся во многих отношениях.

По уму он, несомненно, стоял на голову выше своих сотоварищей по службе. Конечно, выдающимися знаниями и блестящим образованием он не отличался; его умственный кругозор не был широк. Однако его начитанность и наличность у него интереса к книге, столь редкие в людях его профессии, стоят вне всякого сомнения. Несмотря на перегруженность розыскной работой, Зубатов находил время для того, чтобы знакомиться с русской и иностранной литературой по интересовавшим его вопросам.

В деле политического розыска Зубатов явился новатором, «заслуг» которого не могли отрицать даже его личные враги, завидовавшие его быстрому продвижению по службе и влиянию, которое он приобрел в «высших сферах». По его мысли была создана сеть охранных отделений, охватившая крупнейшие центры страны. По его инициативе личный состав розыскных органов был в значительной мере обновлен. По его указаниям были проведены в жизнь новая техника и новые методы розыскного дела, значительно улучшившие постановку работы тайной полиции.

1*

Такой, несомненно, компетентный в вопросах политического розыска человек, как небезызвестный охранник П. П. Заварзин в изданной им в 1924 г. в Париже книге «Работа тайной полиции», характеризуя деятельность Зубатова, пишет: «Зубатов был одним из немногих правительственных агентов, который знал революционное движение и технику розыска. В то время политический розыск в империи был поставлен настолько слабо, что многие чины его не были знакомы с самыми элементарными приемами той работы, которую они вели, не говоря уже об отсутствии умения разбираться в программах партий и политических доктринах. Зубатов первый поставил розыск в империи по образцу западно-европейскому, введя систематическую регистрацию, фотографирование, конспирирование внутренней агентуры и т. п.» (стр. 69).

«Заслуги» Зубатова не ограничивались только реформами, проведенными им в деле политического розыска. В то время как другие охранники все расчеты свои в борьбе с революционным движением строили исключительно на мерах репрессивного характера, Зубатов ясно видел, что при помощи этих мер можно только отсрочить падение царского трона, но не предотвратить его. Отсюда — его поиски новых методов борьбы.

Еще в то время, когда цеплявшиеся за свои традиционные формулы народники дискуссировали по вопросу о «судьбах капитализма в России», доказывая, что Европа России — не указ и что наше социальное и экономическое развитие идет «особыми» путями, Зубатов понял, что главная общественная сила, представляющая опасность для самодержавия, заключается в русском рабочем классе. Революционеры-интеллигенты и создаваемые ими кружки и организации сами по себе не

страшны для правительства. Это — штабы без армии. С бо́льшими или меньшими усилиями правительство может справиться с ними при помощи тюрем, ссылки и виселиц. Страшны они и опасны становятся лишь тогда и постольку, когда и поскольку им удается связаться с рабочим классом и опереться на него. Однако, раз дело обстоит именно так, рассуждал Зубатов, то главная задача правительства в его борьбе с революционным движением должна заключаться в том, чтобы оторвать рабочую массу от революционеров. Революционеры сильны только доверием рабочих, и это доверие надо у них отвоевать во что бы то ни стало. Как же правительство может осуществить это? Только — предоставив законный исход недовольству рабочих своим положением, открыв им возможность добиваться улучшения условий своего существования, легализировав рабочее движение. Если рабочие привыкнут видеть в самодержавии благожелательного попечителя об их нуждах, а не врага, каким изображают его революционеры, тогда они ограничатся борьбой экономической. А это вырвет опору из-под ног революционеров, стремящихся уничтожить самодержавие.

Эти расчеты Зубатова до некоторой степени находили себе опору в русской действительности того времени. Как известно, зарождение и расцвет зубатовщины по времени почти совпали с зарождением и расцветом того направления нашего рабочего движения, которое известно под названием «экономизма» и которое характеризовалось стремлением уложить рабочее движение в рамки борьбы исключительно экономической, а не политической. Здесь не место говорить о корнях «экономизма». Для нашей цели достаточно указать, что зубатовщина по существу была попыткой задержать развитие рабочего движения на стадии борьбы исключи-

тельно экономической. Этим обусловливалось то, что зубатовщина могла встретить и встретила сочувственное отношение со стороны части русского рабочего класса. Но этим обусловливалось и другое: успех зубатовщины мог быть — и был в действительности — только временным — и притом кратковременным. Рабочее движение быстро переросло и экономизм, и зубатовщину.

Грубейшая ошибка, лежавшая в основе всех проектов Зубатова и обусловившая их крушение, заключалась в том, что Зубатов не понимал классового характера русского самодержавия. Он наивно верил, что царская власть стоит вне зависимости от каких-либо общественных классов, выше их, и в силу этого может явиться в роли примирительницы классовых антагонизмов.

Зубатов был искренним и убежденным сторонником самодержавия, и этим объясняется то, что, при первых же известиях об отречении Николая Романова и о падении самодержавия, он пустил себе пулю в лоб. Крушение царского трона для него было крушением его собственных политических идеалов. Опальный слуга царского престола не пережил его гибели.

Несмотря на ум и искренность, выделявшие Зубатова из рядов охранников и жандармов, он был своим в их стане. Долговременная служба его по розыскному делу связала его дружескими отношениями с сотоварищами по работе и отразилась на его духовном складе неизгладимыми чертами. Получив отставку и живя «анахоретом» (по собственному его выражению в письме к Бурцеву), Зубатов продолжал оставаться в близких отношениях со своими прежними друзьями, за исключением тех только, которые сами поспешили отвернуться от впавшего в немилость сослуживца. Мало этого, — и в отставке Зубатов продолжает жить инте-

ресами того дела, которому он верой и правдой служил ранее.

Лучшим доказательством этого являются публикуемые нами документы из его архива. Большинство из них относится как раз к тому времени, когда служебная карьера Зубатова прервалась, и он, отстраненный от дел, доживал свои дни сперва во Владимире, затем в Москве. Все публикуемые нами документы (за исключением писем Бурцева, о которых нам придется говорить ниже) исходят от сотоварищей Зубатова по работе: охранники Зволянский, Лопухин, Климович, Ратко, Войлошников, рабочий-зубатовец Слепов, выученик Зубатова и его ближайший друг знаменитый «Евстратка» (Медников), и, наконец, провокатор, ставший позднее охранником, а еще позднее разоблачителем тайн охранки, Бакай — все они очень видные фигуры в политическом розыске, вписавшие своею деятельностью немало гнусных страниц в черную книгу злодейств и преступлений старого режима. В истории русской охранки и провокации, когда она будет написана, — а ее необходимо написать, — их имена займут «почетное» место. Конечно, без публикуемых нами документов при этом никак нельзя будет обойтись. В них историк найдет много ярких черточек, которые он не преминет использовать для характеристики как деятелей политического розыска, так и самого этого розыска. Особенную ценность в этом отношении представляют письма Медникова. В них так ярко отразилась личность их автора, они дают так много материала для характеристики этого человека, что при чтении их фигура этого «деятеля» встает перед нами как живая, во всей ее красочности.

Особняком среди публикуемых нами документов стоят письма В. Л. Бурцева. Автор их — не охранник, не жандарм, не провокатор. Наоборот, он враг охран-

ников, жандармов и провокаторов, своими разоблачениями их «тайн» доставивший им немало неприятных минут. Однако, когда читаешь его переписку с Зубатовым, то в каждой строке их писем чувствуешь духовную близость этих двух, казалось бы, столь различных людей. Они придерживаются разных политических взглядов, они принадлежат к двум борющимся между собою не на живот, а на смерть станам, — и в то же время они находят общий, понятный для обоих язык, который помогает им вести между собою беседу. Их письма — это письма друзей, не сходящихся друг с другом во взглядах, а не классовых врагов, для которых нет другого исхода, как борьба. При чтении писем Бурцева становится понятнее и яснее дальнейшая политическая эволюция их автора, — и, наоборот, эта эволюция дает ключ к пониманию дружеского тона его переписки с Зубатовым. Позиция, занятая Бурцевым в 1917 г. и позднее, — говорить о ней не стоит: она общеизвестна, — помогает объяснить, почему он и Зубатов так легко нашли общий язык. Они — представители одного и того же общественного класса, — мелкой буржуазии, которой по своей социальной природе суждено колебаться из стороны в сторону между двумя борющимися между собою станами и которая в силу этого, — в зависимости от своеобразия условий места и времени, — выделяет из своей среды и верных слуг реакции, и иногда чрезвычайно отважных (но чаще весьма неустойчивых) борцов революции.

Для того чтобы характер переписки Бурцева с Зубатовым стал вполне ясным, надо добавить несколько слов о личных качествах первого из корреспондентов — его политической наивности. В переписке с Зубатовым эта наивность раскрывается перед читателем в полной мере. Умный и хитрый Зубатов, умевший обводить

вокруг пальца и не таких людей, как редактор «Былого», не мог, конечно, не улыбаться, когда он читал письма Бурцева.

Верил ли сам Бурцев в то, что политические взгляды Зубатова изменились и что он порвал с «ними», т. е. с той средой, к которой принадлежал ранее, или же рассуждения на этот счет, встречающиеся в письмах Бурцева, были лишь хитроумной уловкой, рассчитанной на то, чтобы воздействовать на Зубатова в желательном для Бурцева направлении? Нельзя ответить на этот вопрос с полной определенностью, но это и не важно для нас. Искренно ли верил Бурцев в то, что писал, или же только притворялся, — и то, и другое может свидетельствовать лишь об его поразительной политической наивности.

Если Бурцев сознавал, что Зубатов и после отставки своей продолжал оставаться таким же преданным слугою самодержавия, каким он был до отставки, то большой наивностью было со стороны Бурцева рассчитывать на то, что все его попытки уверить Зубатова в противном могут встретить со стороны последнего что-либо иное, кроме насмешки.

Если же, наоборот, Бурцев полагал, что после отставки Зубатова его отношение к тому делу, которому он служил раньше, изменилось, то и это было не меньшей наивностью, ибо, как видно из писем Бурцева, он был знаком с публицистическими выступлениями Зубатова эпохи 1906—1907 гг., печатавшимися на страницах «Гражданина».

Необходимо остановиться на этих выступлениях Зубатова, совершенно не использованных теми, кто до сих пор писал о Зубатове и зубатовщине. Знакомство с ними, во-первых, покажет, что политические взгляды Зубатова и после отставки остались неизменными, и, во-

вторых, обнаружит правильность характеристики Зубатова, как представителя мелкой буржуазии.

Для того чтобы характер публицистических выступлений Зубатова был вполне ясным, надо сказать несколько слов об обстоятельствах, вызвавших в 1903 г. его отставку. История этой отставки не вполне еще выяснена, но ясно одно: она явилась результатом интриги, предпринятой Зубатовым против своего начальства в лице министра внутренних дел В. К. Плеве. Хотя последний и перевел Зубатова с должности начальника московской охранки на должность заведующего особым отделом департамента полиции, тем не менее, полного единомыслия между ним и Зубатовым не было. Для Зубатова полицейский социализм, который он насаждал в Москве и в других местах и который известен под названием «зубатовщины», был, по его собственным словам, «особым методом ведения общественных и государственных дел» *). В нем он видел основное средство борьбы с революционным движением. Для Плеве же, несмотря на то, что он принял и санкционировал «зубатовщину», на первом месте в деле борьбы с революцией продолжала стоять репрессия, в силу которой он питал безграничную веру с тех пор, как еще в начале своей карьеры ему удалось при помощи ее сломить «Народную Волю». Он плохо понимал то, что было ясно Зубатову: одно дело борьба с кучкой отважных и готовых на самопожертвование революционеров, какой был Исполнительный Комитет «Народной Воли», а другое дело — борьба с растущим массовым движением, вовлекающим в себя все более и более широкие слои пролетариата, каким стало наше рабочее движение с середины 90-х годов прошлого столетия. Плеве не понимал, что изме-

*) См. письмо Зубатова, напечатанное в «Вестнике Европы» за 1906 г., № 3, стр. 434.

нившиеся условия политической жизни страны обусловливали необходимость новой системы борьбы с революционным движением.

Ввиду этого расхождение между Плеве и Зубатовым неизбежно должно было рано или поздно проявиться. Это случилось летом 1903 г.

Граф С. Ю. Витте в своих воспоминаниях рассказывает, что в начале июля 1903 г. к нему явился Зубатов и завел разговор о политическом положении России. «Он мне докладывал, что в сущности вся Россия бурлит, что удержать революцию полицейскими мерами невозможно, что политика Плеве заключается в том, чтобы вгонять болезнь внутрь, и что это ни к чему не приведет, кроме самого дурного исхода. Он прибавил, что Плеве убьют и что он его уже несколько раз спасал. Выслушав его подробный рассказ, я его спросил: «Для чего вы мне все это рассказываете, вы должны все это говорить Плеве»; на что он мне ответил, что Плеве он все это говорил, но что Плеве, взявши чисто полицейский курс, от него отойти не хочет или не может. В заключение я ему сказал, что по-настоящему я должен был бы поехать к Плеве и передать ему все, что вы мне рассказывали, но я, не желая вам вредить, этого не сделаю и буду считать, что между нами никакого разговора не было, но советую вам все, что вы мне сказали внушить Плеве. Затем мне сделалось известным, что Зубатов отправился к князю Мещерскому и то же самое говорил князю Мещерскому, причем сказал, что он был у меня, говорил все это и просил моего вмешательства, чтобы я уговорил Плеве перестать вести его мракобесную политику, и что я от этого отказался. Тогда князь Мещерский поехал к Плеве и все ему рассказал, причем сказал, что Зубатов был у меня. Это было достаточным поводом

для того, чтобы Зубатова не только отстранить от места, но даже сослать в город Владимир» *).

В этом сообщении Витте, как и вообще в его воспоминаниях, гораздо больше попыток затушевать историческую действительность, чем выявить ее. Другие источники, которыми мы располагаем, показывают, что отношение Витте к Зубатову вовсе не было столь уклончивым и отрицательным, как он старается изобразить.

Хорошо осведомленный в событиях того времени А. А. Лопухин, бывший тогда директором департамента полиции, в своих воспоминаниях, написанных по поводу воспоминаний Витте, вносит ряд поправок в сообщения Витте. По его словам, Зубатов, недовольный двойственным отношением Плеве к рабочим организациям, созданным Зубатовым, и высокомерным отношением Плеве к самому Зубатову, стал сближаться с редактором «Гражданина» князем Мещерским, пользовавшимся громадным влиянием при дворе и открыто осуждавшим политику Плеве. «Мало-по-малу дом Мещерского, — пишет Лопухин, — обратился как бы в конспиративную квартиру заговора против министерства Плеве. Посещая ее, Зубатов и Витте в ней, однако, первоначально не встречались. Знакомство между ними произошло вовсе не неожиданно для Витте, как он уверяет, а при посредничестве того же Мещерского. Мещерский посоветовал Витте познакомиться с Зубатовым и прием последнему у Витте был назначен через Мещерского. Я был все время в курсе этих закулисных маневров». Далее Лопухин рассказывает о том, как Плеве удалось узнать об интриге, начатой против него Мещерским, Витте и Зубатовым. По его словам, све-

*) Воспоминания. Царствование Николая II, т. I, Гиз 1923 г., стр. 179, сравн. стр. 233—234.

дения о ней Плеве получил от известного провокатора и охранника Гуровича, которому Зубатов по дружбе доверил свой план и который поспешил выдать своего друга Плеве *).

Этот рассказ Лопухина представляется нам гораздо более правдоподобным, чем приведенное выше сообщение Витте. Если бы отношение последнего к Зубатову было действительно таким отрицательным, каким он старается представить его в своих мемуарах, то совершенно непонятной была бы попытка Витте, вернувшегося в октябре 1905 г. к власти, вновь привлечь Зубатова к активной деятельности, а между тем эта попытка стоит вне всяких сомнений: она находит себе документальное подтверждение в одном из публикуемых ниже писем Манусевича-Мануйлова к Зубатову. Далее, сообщение Витте о том, что интрига Зубатова была разоблачена Плеве Мещерским, опровергается тем, что Зубатов и после отставки своей остался в дружеских отношениях с редактором «Гражданина» и, живя во Владимире, вел с ним оживленную переписку на политические темы. Мещерский же придавал такое значение письмам Зубатова, что находил нужным печатать их на страницах своего «Гражданина».

Для Зубатова Мещерский с его влиянием при дворе имел особое значение: при посредстве его Зубатов рассчитывал проводить в жизнь свои политические идеи, а, может быть, и вернуться к активной деятельности. Вот почему в письмах Зубатова к Мещерскому мы находим развитие целой политической программы, что делает эти письма чрезвычайно важным материалом для характеристики Зубатова и его идей.

*) Отрывки из воспоминаний (По поводу «Воспоминаний» гр. С. Ю. Витте), Гиз, 1923 г., стр. 71—76.

Незыблемость самодержавия попрежнему стоит для Зубатова на главном месте. Это — основная идея его политического миросозерцания. Недаром в одном из своих писем он называет себя «неискоренимым охранником-монархистом». Недаром, стремясь обосновать необходимость самодержавного строя, он повсюду ищет авторитеты, на которые можно было бы сослаться: тут у него и Штейн, и Родбертус, и Еллинек, и Менгер, и Катков. Надо сказать, что самодержавие, каким его представляет Зубатов, очень далеко от реального русского самодержавия. Как все утописты, Зубатов не замечает, насколько далек от действительности придуманный им идеал.

Особенностью русского государственного устройства, — по мнению Зубатова, — является то, что оно построено по формуле «царь и народ — нераздельное единство»; в основе же западно-европейского политического строя лежит «принцип противоположения монарха народу». Другими словами, в России мы находим форму «монистического построения государства»; на Западе же — «дуалистического». Интересы народа совпадают с интересами самодержавной власти. «Народная масса во все времена и у всех больших народов (не говоря уже о нашем) всегда живо верила, что только монарх является представителем общих интересов, защитником слабых и угнетенных. В Риме, в средние века она неизменно поддерживала монархическую власть в ее исторической борьбе с аристократией и нобилитетом». Монархическая власть имеет крепкие исторические корни. «Она сама в себе живоносна; она не только отвечает глубочайшим свойствам и потребностям души народной, но и вообще настоятельнейшим нуждам человеческого общения. В прошлом она существовала тысячелетиями (великие монархии древнего

Востока и греко-римского мира), а народное представительство, просуществовав всего сто лет, трещит уже по всем швам, и невыдерживающая критики его политическая идея умирает, уступая место процессу развивающейся самоорганизации народа (печать, профессиональное движение всех видов и пр.). Введенная в заблуждение хитроумной системой политического представительства народная масса дрогнула было, но, раскусив сей орех, охладела к нему».

Напротив, аристократия и нобилитет (под «нобилитетом» Зубатов подразумевает буржуазию) являются исконными противниками монархической власти и стремятся ограничить ее, закрепив за собою непосредственное участие в распоряжении государственной властью, для того чтобы использовать ее в целях упрочнения своего социально-экономического господства в народной жизни. «Зная «непочтительность» к себе народной массы и живую веру ее в монархический принцип, нобилитет старается сохранить «монархию» в целях вящшего использования ее в своих видах и притом безнаказанно со стороны раздраженных масс. Поддавшаяся в истории на эту удочку, монархическая власть принуждена была затем играть роль дворцового гренадера при сундуках нобилитета». Вот почему в ограниченной, конституционной монархии Зубатов видит извращение монархического принципа.

Основные законы 1906 г., учреждение Государственной думы и привлечение выборных от населения к участию в законодательной работе, по мнению Зубатова, не делают еще Россию ограниченной монархией. Самодержавие осталось непоколебленным, царская власть попрежнему неограничена, законодательный орган, в лице Государственной думы и Государственного совета, стоит в подчинении верховной власти. «В манифесте

20 февраля найдено логическое, простое, практическое и целесообразное разрешение задачи — привлечь выборных от населения людей к законодательной деятельности и при этом непременно сохранить незыблемость основных законов империи». «Монарх, как и встарь, продолжает один строить государство; право изменения основных законов принадлежит одному ему. Это значит, что у нас конституции нет, державных прав народ не имеет и осталась незыблемой абсолютная монархия — древняя, как сама Россия, и суровая и строгая, как сама жизнь, в гармонии с которой она исподволь складывалась и развивалась». Что касается Государственной думы, то ее законодательная власть — неверховная, делегированная; над нею стоит высшая власть, которой принадлежит право регулировать и контролировать деятельность Государственной думы.

Вот почему, по мнению Зубатова, «нынешняя государственная реформа, с точки зрения монархической идеи... поистине может быть названа крупнейшим новым бриллиантом в императорской русской короне».

Так думал Зубатов в 1906 г. и в начале 1907 г., уверенный, что «от европейского конституционализма мы никогда не были так далеки, как сейчас». Убежденный в том, что народные массы — на стороне самодержавия, он не страшился революционного движения. Ненавидя буржуазию, — память о столкновениях с магнатами московской промышленности была еще свежа, — Зубатов готов признать в революционном движении пользу для самодержавной власти. «Раз революционеры сильны, невольно на них направляется борьба нобилитета. Выигрыш двойной: 1) ослабляется борьба нобилитета с самодержавием и 2) революционеры получают врага, в сравнении с которым положение об охране — игрушки и щенок. В общем же, все складывается

приятно для честного и искреннего монархиста и — vive le roi!».

Это Зубатов писал в № 31—32 «Гражданина» за 1907 г. Но скоро он убедился, что не все обстоит так благополучно, как ему казалось, и что основные законы — далеко не такое совершенство, каким он их считал. И вот уже в № 61—62 Зубатов начинает говорить о необходимости «внесения ясности и определенности в редакцию наших основных законов». «Боевые стремления доминируют в Государственной думе над деловыми, — пишет Зубатов, — и она является не правильно функционирующим одним из государственных учреждений, а посторонним в государственном механизме телом, полным фантазии и смуты и существующим без всякой видимой пользы для неотложных нужд страны». А поэтому «надо, прежде всего, подпилить зубы Государственной думе, лишить ее тех прав, которые дают ей возможность становиться в боевую позицию, предпринимать всякие «штурмы» и «осады», мечтать о социально-политических переворотах, вместо того, чтобы фактически служить конкретным потребностям и запросам реальной жизни». Достигнуть этого можно только при помощи изменения основных законов «в смысле исправления в них всего неясного и двусмысленного в отношении прав верховной власти».

Как видим, на страницах «Гражданина» *) Зубатов с полной ясностью изложил свое политическое credo, и у Бурцева, знакомого с этими выступлениями Зубатова, не могло быть никаких оснований думать, что Зубатов изменил свои прежние взгляды и порвал с реакцион-

*) Письма Зубатова напечатаны в №№ 3, 19, 82 и 87 «Гражданина» за 1906 г. и в №№ 61—62, 69—70 и 73 за 1907 г. Кроме того, несомненно, что его же перу принадлежит письмо «из провинции», напечатанное в «Дневнике» Мещерского в № 31—32 за 1907 г.

ным лагерем. При таких условиях переписка Бурцева с Зубатовым, ее дружеский характер, общий язык, который удалось найти корреспондентам, снисходительно-насмешливое похлопывание Зубатовым Бурцева по плечу («Кипяток Львович»), — все это приобретает особый смысл и значение, свидетельствуя о духовной близости корреспондентов, несмотря на расхождение их в политических взглядах, и объясняет, почему Бурцев в конце концов оказался в том стане, к которому принадлежал до самой смерти Зубатов *).

---

*) Все включенные в настоящее издание документы появляются в печати впервые за исключением трех писем Зубатова к В. Л. Бурцеву (от 22 ноября и от 12 декабря 1906 г. и от 5 марта 1908 г.), напечатанных последним в № 14 заграничного «Былого» (Париж, 1912 г.); мы считаем необходимым воспроизвести в настоящем издании и эти письма, как потому, что они были напечатаны в издании, мало доступном современным читателям, так, главным образом, и потому, чтобы не нарушать цельности переписки Зубатова с Бурцевым.

СТИХОТВОРЕНИЕ Ф. А. СЛЕПОВА „КОНТР-МИНА“.

Автор этого стихотворения, Федор Алексеевич Слепов, являлся одним из деятельнейших сотрудников Зубатова по насаждению «полицейского социализма» в Москве. Он входил в состав той группы рабочих, которая выступила в качестве инициаторов создания «Московского общества взаимопомощи рабочим в механическом производстве». Среди московских зубатовцев Слепов был, если не ошибаемся, единственным человеком, владеющим пером. И в годы зубатовщины, и в последующие он сотрудничал в черносотенной прессе: «Московских Ведомостях», «Дружеских Речах», «Русском Деле», и даже одно время был ответственным редактором погромного листка «Вече».

Слепов родился в 1871 г. в маленькой деревушке Тульской губ., Веневского уезда. Отец его, крестьянин, служил на лесной фабрике в качестве рабочего и умер вскоре после рождения сына, оставив его и трех других своих детей на попечение матери. В бедности и нищете прошли первые годы жизни Слепова. Учился он сперва самоучкой, а затем у местного дьячка. Когда Слепову исполнилось 8 лет, мать его переехала в Москву и там отдала его в обучение к одному портному. Жизнь у этого портного была настолько тяжела, что мальчик бежал от него. Вслед за этим Слепов служил в качестве рабочего в одной драпировочной мастерской, на фабрике С. Морозова в Зарайске, токарем на фабрике Прохорова в Москве. Переехав в Москву, он записался

на Пречистенские курсы технического общества, где занимался физикой, литературой и изучил французский язык. На фабрике Прохорова Слепов познакомился с рабочим Михаилом Афанасьевым, принимавшим уже участие в революционном движении и состоявшим под надзором полиции. Афанасьев познакомил Слепова с идеей учредить в Москве общество взаимопомощи рабочих механического производства. Это было в 1900 г., а в конце февраля 1901 г. устав этого общества был утвержден обер-полицеймейстером, и начались собрания рабочих. Слепов был выбран секретарем и вел протоколы этих собраний. Когда образовался совет рабочих механического производства, Слепов стал и его секретарем, а Афанасьев — председателем. В декабре 1902 г. Зубатов вытребовал Афанасьева и Слепова в Петербург, где в «Русском собрании» они сделали доклад о движении рабочих в Москве. Описание своей поездки в Петербург Слепов поместил в «Московских Ведомостях». С этого началось его сотрудничество в этой газете. Об обстоятельствах, при которых было написано печатаемое нами стихотворение, сам Слепов рассказывает следующее:

«Однажды Афанасьев принес нумер швейцарской газеты «Искра» и указал место, где очень жестоко ругают Зубатова, как «великого» сыщика и провокатора. Прочитав эту брань и находясь под влиянием похвальных отзывов Афанасьева о Зубатове, я воспламенился гневом против революционеров и написал стихотворение, посвятив его Зубатову. Это стихотворение было передано по назначению, и вот, дня через два или три Афанасьев сказал мне: — «Сергей Васильевич благодарит тебя за стихотворение и просит притти в воскресенье к нему». — Так началось личное знакомство Слепова с Зубатовым. — «Я был в буквальном смысле очарован

начальником охранного отделения, — пишет Слепов, рассказывая о своем свидании с ним. — Так он обо всем хорошо, красиво и умно говорил, что я никогда ни от кого до этого не слышал». (Ф. Слепов. Из воспоминаний бывшего «зубатовца». «Русское Дело», 1905 г., №№ 25, 26, 27, 28, особ. прибавл. к 28-му, 30, 31, 33, 41.)

КОНТР-МИНА.

(Посвящается С. В. З[убато]ву.)

Мы недавно статью прочитали
В нелегальной печати, где вас
Очень нагло и сильно ругали
Пресловутые наши «друзья».

Пусть в подпольной печати бездарность
О вас пишет пустые статьи,
Мы же шлем от души благодарность
За все то, что нам сделали вы.
Эти люди, что вас ненавидят,
Они также не любят и нас
И отраду как будто бы видят
В тяжкой жизни трудящихся масс:
На словах они счастья желают
Чуть не для всех бедняков,
А на деле их в тюрьмы сажают
И доводят порой до оков...
Эти люди живут без отчизны,
Ничего нет святого у них,
И девиз их беспочвенной жизни:
«Цели всех благородны» для них...
В их поступках не видно и тени,
Чтоб рабочих любили они,
У них нет никаких убеждений,
У них только интриги одни...
Прикрываяся маской коварства,
Хитрой мести, обмана и лжи,
Топчут в грязь идеал Государства,
Разрушают основы семьи...

Они мыслят воздвигнуть насильем
Равенству, Братству, Свободе алтарь,
И... объятые злобным бессильем,
Горячо проповедуют нам:
«Собирайтесь в толпу колоссальную,
«Угнетенный работой народ...
«И с ножами, дубинами, камнями
«Устремляйтесь потоком вперед...
«Все ломайте с спокойною совестью,
«Города предавайте огню,
«Никакой не гнушайтеся подлостью...
«И про честь позабудьте свою...
«И когда все, что есть, вы разрушите,
«Мы вам новую жизнь создадим,
«Вы тогда своей властию будете
«Управлять государством своим...
«Вам устроим парламент, как в Англии,
«Сами будем мы в нем восседать,
«Всем имуществом вашим и вами
«Будем ловко тогда заправлять»...

Но мы рады, что ясно вы поняли
Мысли злых и жестоких людей,
Этих гнусных предателей родины,
Проповедников адских идей...
Мы довольны, что мину ужасную
Обессилить задумали вы...
И за вашу идею прекрасную
Благодарность вам шлем от души.

Слепов.

ПИСЬМА С. Э. ЗВОЛЯНСКОГО.

Автор этих писем — директор департамента полиции Сергей Эрастович Зволянский.

Первое письмо относится к так называемому делу о лахтинской типографии народовольцев, ликвидированной охранкой в 1896 г.

Осенью 1894 г. группа народовольцев (А. А. Ергин, Е. А. Прейсс-Иогансон, А. С. Белевский и др.) организовала в Петербурге тайную типографию. Сначала эта типография помещалась на Крюковом канале, а вскоре была переведена в дачный поселок под Петербургом — Лахту. В этой типографии печатались не только народовольческие издания (№№ 3 и 4 «Летучих листков группы народовольцев» и др.), но и социал-демократические: по соглашению с Петербургским союзом борьбы за освобождение рабочего класса группа народовольцев в 1896 г. отпечатала в своей типографии известную брошюру В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». Типография просуществовала почти 2 года. 24 июня 1896 г. она была арестована. (Подробнее о «деле лахтинской типографии» см. в книге П. Куделли «Народовольцы на перепутьи». Гос. изд., Ленинград, 1925 г.)

Провал лахтинской типографии был делом известного провокатора Михаила Ивановича Гуровича. Именно о нем и упоминает в своем письме Зволянский, говоря о «деятельности секретного агента департамента».

Гурович снабдил Прейсс и Белевского нелегальными паспортами, по которым они поселились на Лахте, и дал им для напечатания в типографии рукопись газеты «Борьба». (См. названную выше книгу П. Куделли, стр. 11.) Из этого ясно, как хорошо был осведомлен Гурович о существовании типографии и об ее организаторах. Как видно из письма Зволянского, провокаторской деятельностью Гуровича в деле лахтинской типографии «умело и внимательно» руководил Зубатов, работавший в то время в Московском охранном отделении.

Второе письмо Зволянского написано им в мае 1902 г., когда автор был вынужден покинуть пост директора департамента полиции, уступив свое место А. А. Лопухину. Письмо это имеет характер прощания с сослуживцами.

«Вас. Вас.», о котором упоминается в письме Зволянского, — жандармский ротмистр Василий Васильевич Ратко, ближайший сотрудник Зубатова по Московскому охранному отделению. При свидании с Ратко Зволянский не мог предупредить его о своей отставке, так как вопрос об этом не был еще решен окончательно. Однако слухи о предстоящей отставке Зволянского уже носились и дошли до Москвы. Отправляющемуся в Петербург Ратко было поручено справиться у Зволянского относительно основательности этих слухов.

I.

Конфиденциально.

Милостивый государь Сергей Васильевич.

Вполне удачная ликвидация народовольческой типографской группы в С.-Петербурге находится, в значительной мере, в зависимости от умелого и внимательного руководства деятельностью секретного агента департамента, который большую часть времени находился под вашим непосредственным воздействием.

По докладу о сем господину министру внутренних дел *), его высокопревосходительство поручил мне передать вам свою искреннюю признательность за ваши труды по этому делу.

Поставляя себе приятным долгом исполнить означенное поручение господина министра, считаю необходимым и с своей стороны выразить вам мою благодарность за ваше всегда живое и энергичное отношение к розыскному делу.

Примите, милостивый государь, уверения в совершенном почтении и преданности.

С. Зволянский.

№ 5661.
3 июля 1896 г.

---

*) И. Л. Горемыкин. *Ред.*

II.

12 мая [1902 г.]

Многоуважаемый Сергей Васильевич!

События последнего времени пошли настолько скоро, что я совершенно был лишен возможности предупредить вас, как хотел. Когда у меня был Вас. Вас., решительно ничего еще не предвиделось и потому на его вопрос я мог дать только отрицательный ответ. К добру или худу приведет это — сказать пока ничего нельзя — поживем увидим. От души желаю, чтоб к добру. Во всяком случае чувствую глубокую потребность от души и сердца сказать вам большое, низкое русское спасибо и за непосильную вашу работу, и за доброе отношение ко мне, и за все то, что между людьми оставляет лишь чувства уважения и преданности. Не сетуйте на меня, если в чем-нибудь имели причины быть недовольным. Вы знаете, как я всегда ценил вашу работу и ваших сотрудников и полное рвение и добросовестность в трудных минутах, которых было не мало. Буду проездом в Москве, конечно, повидаю вас и с удовольствием пожму вашу руку, так много трудившуюся и помогавшую. Сердечный привет и благодарность всем вашим сослуживцам и сотрудникам.

Преданный вам *С. Зволянский.*

ПИСЬМА Л. А. РАТАЕВА.

Леонид Александрович Ратаев — видный деятель политической охраны. С 1898 г. он заведывал в департаменте полиции особым отделом, в котором сосредоточивалась розыскная часть. Осенью 1902 г. он был назначен заведующим заграничной агентурой, на место Рачковского, занимавшего эту должность до того времени. 1 августа 1905 г. Ратаев был уволен в отставку, после чего жил в Париже под фамилией Рихтер, получая пенсию от русского правительства. В 1915—1916 гг. собирал за границей для департамента полиции сведения о масонстве.

Пять писем Ратаева к Зубатову, заимствованные из архива последнего, были опубликованы С. Мельгуновым в № 1 «Голоса минувшего» за 1922 г. Однако в том же архиве имеются еще два письма Ратаева, которые мы и воспроизводим ниже.

Первое из этих писем написано Ратаевым еще в бытность его заведующим особым отделом департамента полиции и касается недоразумений, происшедших между автором письма и Зубатовым.

Сотрудник Зубатова по Московскому охранному отделению, известный деятель политического розыска А. И. Спиридович, в своих воспоминаниях так характеризует постановку розыскного дела в департаменте полиции во времена Ратаева:

«Центральный руководящий по розыску правительственный орган не был на высоте положения. Там чва-

нились знанием розыскного дела, но промахи делали непоправимые. Недаром же его особым отделом в то время заводывал красивый, светский дон-жуан, любитель-театрал Леонид Александрович Ратаев, слывший в Петербурге под кличкой «корнета Отлетаева» (см. А. И. Спиридович. При царском режиме. «Архив русской революции», т. XV Берлин, 1924 г., стр. 141).

Такое мнение о деятельности Ратаева, несомненно, разделялось и Зубатовым, который не всегда находил нужным ставить в известность о работе своей агентуры центр розыскного дела в лице Ратаева. Последний в свою очередь был очень недоволен «конспирациями» Зубатова, справедливо усматривая в них недоверие к себе.

Конфликт разыгрывается из-за дела упоминаемого в печатаемом нами письме Когана. Повидимому, этим Коганом был М. Г. Коган-Гриневич, в то время деятель заграничного «Союза русских социал-демократов» и сотрудник органа «экономистов» «Рабочей мысли», впоследствии известный деятель профессионального движения и меньшевик. В конце 1901 г. Коган по партийным делам приезжал в Россию и по окончании их благополучно вернулся за границу. Уведомляя об этом Ратаева, Зубатов в своей телеграмме объяснил, что Когану дана возможность уехать за границу «по розыскным расчетам». Получив эту телеграмму, Ратаев послал Зубатову весьма резкое письмо с выговором. (Письмо это, датированное (6) 19 декабря 1901 г., напечатано Мельгуновым в «Голосе минувшего».) В нем Ратаев писал:

«Вашу в полном смысле слова «шифрованную» телеграмму я получил и не могу скрыть, что содержанием ее я крайне огорчен, скажу более, обижен. Мне казалось, что за время продолжительного нашего знакомства

вы успели убедиться, что департамент умеет бережно относиться к сведениям агентуры и что при добром соглашении всегда можно согласовать цели розыска с интересами агентуры. Повидимому, я ошибся, о чем наглядно свидетельствует последний факт: нелегальный в течение целого месяца разъезжает по России, заводит связи, устанавливает организации, и когда благополучно уезжает домой, то об этом вскользь доводится до сведения департамента, как о совершившемся факте и даже без объяснения причин. Конспирация — вещь прекрасная и необходимая, но ведь и самыми хорошими вещами злоупотреблять не следует. Есть пределы, за которыми конспирация становится не серьезна, а просто комична... Воистину печально положение департамента. Повидимому, его функции сводятся только к тому, чтобы отпускать деньги. Все живут на его счет и все его интригуют... Агентура вещь прекрасная, но не надо забывать, что она все-таки не цель, а средство».

Первое из печатаемых нами писем Ратаева является его ответом на оправдательное письмо Зубатова.

Второе же из них написано, когда Ратаев был уже за границей, и содержит в себе поздравление Зубатова с назначением его на должность заведующего особым отделом департамента полиции.

I.

11/24—XII—901.

Дорогой Сергей Васильевич.

Я так искренно и горячо вас люблю, что не в состоянии терпеть продолжающегося между нами недоразумения. Видимо я сгоряча написал неясно, и вы не поняли, в чем суть обиды, нанесенной мне делом Когана.

Конечно же не в самой постановке дела, которую я ни минуты не считал ни глупой, ни мелкой, ни даже непрактичной. О направлении дела можно, конечно, иметь разные мнения. Вы, например, приводите в оправдание своего образа действий весьма веские аргументы, я могу в возражение представить не менее серьезные соображения. В конце концов мы, как всегда, конечно сговорились бы. Суть, значит, не в этом, а в том недоверии ко мне, признаки которого я замечал неоднократно с вашей стороны по отношению ко мне. Прежде, бывало, вы довольно откровенно сообщали мне сведения самого щекотливого свойства, исключая, что в ваших интересах не подлежит использованию, и совесть меня не упрекает, чтобы хотя однажды я сделал что-либо вам в ущерб. За последнее время все изменилось. Я даже об истинных причинах провала Приятеля [1]) узнал не от вас, а окольными путями.

На обращенную к вам просьбу в моем последнем письме об отдельных сообщениях сведений по студенческому движению я получил от вас через об.-пол. [2]) выговор. Смиренно его принимаю, но практических указаний все же не нахожу. Я привык, что в официальной бумаге не помещается сведений интимного характера, а таковые сообщаются доверительно мне. При том огромном материале, который скопляется у меня для еже-

недельной студенческой записи, самому в этом разобраться очень трудно.

Вот я и прошу вас, дорогой Сергей Васильевич, как хорошего, честного и вполне порядочного человека, каким я вас всегда считал, сказать мне правдиво и откровенно, чем я подорвал ваше доверие или чем я вас обидел.

Все это мне очень горько и неприятно.

Искренно преданный *Л. Ратаев.*

II.

13/31—XI/X—1902. Париж.

Дорогой Сергей Васильевич.

Вчера я получил известие, которое меня и поразило, и сильно обрадовало. Поразило потому, что по положению вещей оно было совершенно неожиданно, а обрадовало, — так как осуществилось то, что я признавал безусловно необходимым и естественным. Вы — заведывающий особым отделом, вы — в моем кабинете! Вот это я понимаю. Фирма старинная и мало-по-малу завоевавшая себе доверие. И совсем подходящая к вашему положению и соопределенно его ставящая. Очень, очень рад, скажу более — горд и счастлив. Но вместе с тем это форма, налагающая известные обязанности по отношению к нам грешным. Я всегда считал долгом держать «сущих в море далече» [3]) в курсе того, что делается в империи. Между тем, из того, что мне присылают, и из последнего бюллетеня [4]) я решительно не в состоянии заключить, каково настроение умов и положение дел теперь в империи. Выходит будто бы «гром победы раздавайся», а между тем по моим скудным, но достоверным сведениям выходит будто бы не так... а скорей

жарко. Прикажите, пожалуйста, чтобы еженедельные фельетоны были «посочнее» и чтобы сведения «от 5 по 12 октября» рассылались бы ранее 25 октября.

Вообще, пожалуйста, не забывайте старого Леонида и пишите ему как хотите, здесь ведь не департамент и формальностей никаких не надо. Накопилось на сердце, хватайте перо и капайте на первом попавшемся клочке бумаги. Вспоминайте старину. На первый раз прошу вас поскорее мне ответить по следующему вопросу:

Здесь кем-то распускаются упорные слухи, будто Алексей Александрович [5]) начинает не ладить с министром и даже назначают ему пост «черниговского губернатора»!!!

Я убежден, конечно, что все это вздор, но если есть хоть малая доля правды, то не откажите мне сообщить все по чистой совести, потому что вы понимаете, что без А. А. я здесь ни минуты не останусь и немедленно возбужу вопрос об отставке и о пенсии, отклонив безусловно всякое другое назначение. Если же все это, — как я и уверен, — чистейший вздор, то я приму тщательные меры к разоблачению источника слухов, который подозреваю. Содержание настоящего письма сможете доложить А. А.

Крепко вас обнимаю и целую, а также Е. П. [6]) и М. И. [7]). Не откажите сообщить, в каком положении дело. Это меня грызет.

Сердечно вас любящий *Л. Р.*

P. S. Вы с Евстратием окрылите особый отдел выше облака ходячего. Давай вам бог. Расскажите, пожалуйста, как это случилось: замена Ф. С. вами [8]). Помните, что письма надо отправлять с Варшавского вокзала 79, rue de Grenelle, L. Rataeff.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) «Провал Приятеля» — разоблачение в конце 1901 г. известного агента-провокатора департамента полиции Михаила Ивановича Гуровича, он же: Моисей Давыдович Гуревич. Гуревич род. в 1862 г., сын купца, студент Харьковского ветеринарного института, в 1888 г. за принадлежность к «Общестуденческому союзу» выслан на 3 года под надзор полиции в г. Сургут, Тобольской губ., откуда «за несносный дерзкий характер» переведен в Якутскую область с увеличением срока гласного надзора на 2 года. В 1889 г. вызван в Якутск для отбывания воинской повинности. В том же году вместе с группой политических ссыльных привлекался по делу о составлении адреса «гражданам французской республики» по случаю столетнего юбилея великой французской революции. (М. Кротов. Якутская ссылка 70-х, 80-х годов. М. 1925 г., стр. 178.) Товарищ Гуревича по ссылке И. И. Майнов, характеризует его, как «полнейшего невежду по образованию и альфонса по профессии». (См. И. И. Майнов. На закате народовольчества. «Былое», 1923 г., № 22, стр. 183.) С начала 90-х годов Гуревич завязывает отношения с охранкой. Он переезжает в Европейскую Россию и из Моисея Давыдовича Гуревича превращается в Михаила Ивановича Гуровича. Так началась карьера нового провокатора, зачисленного в делах охранки под кличкой «Харьковцева». Предательская деятельность Гуровича становится особенно интенсивной во 2-й половине 90-х годов. Благодаря своему знакомству с В. Я. Яковлевым (Богучарским), Гурович близко сходится с нелегальными и полулегальными кружками. Он принимает участие во всех общественных организациях того времени: в комитете грамотности, союзе писателей и т. п., — и даже является фактическим издателем одного из первых марксистских журналов «Начало» (номинальным издателем была его жена А. А. Воейкова). Летом и осенью 1901 г. стали ходить слухи о том, что Гурович состоит агентом департамента полиции. По рассказу Л. Клейнборта (М. И. Гурович-«Харьковцев». «Былое». 1921 г., № 16, стр. 103—104), первые сведения о предательской роли Гуровича исходили от одного жандармского офицера, у которого произошел конфликт с Гуровичем. В 1902 г. для расследования деятельности Гуровича за границей была образована особая комиссия, в которую вошли представители различных существовавших в то время с.-д. организаций. Гурович имел смелость

явиться в комиссию и отрицать свое предательство. Однако, он был уличен, и комиссия единогласно постановила объявить Гуровича агентом-провокатором (см. «Предостережение», напечатанное в № 26 «Искры» за 1902 г.). Разоблаченный Гурович делается чиновником департамента полиции. В начале 1903 г. он был назначен заведующим Румынской и Галицийской агентурой департамента полиции. В следующем году эта должность была упразднена, и Гурович вернулся в Петербург, где продолжал службу в департаменте полиции, в качестве «инспектора охранных отделений». В 1905 г. Гурович был назначен начальником канцелярии помощника наместника на Кавказе по политической части. В 1906 г. он вышел в отставку и поселился в Крыму, где и умер в 1915 г.

2) Надо думать, что Ратаев говорит о московском оберполицеймейстере Д. Ф. Трепове, который очень доверял Зубатову и, благодаря своим связям в придворных сферах и поддержке великого князя Сергея Александровича, пользовался большим влиянием.

3) Имеются в виду сотрудники заграничной агентуры департамента полиции.

4) Литографированная газета, издававшаяся департаментом полиции. Образцы ее напечатаны в №№ 7 и 8 заграничного «Былого».

5) Директор департамента полиции Алексей Александрович Лопухин. Слухи об его отставке оказались неправильными.

6) Евстратий Павлович Медников, сотрудник Зубатова по Московскому охранному отделению, перешедший вместе с Зубатовым в департамент полиции в качестве заведующего агентами наружного наблюдения. См. ниже его письма к Зубатову.

7) Упоминавшийся выше Михаил Иванович Гурович.

8) Ф. С. — повидимому, какой-то конкурент Зубатова на должность заведующего особым отделом департамента полиции.

ПИСЬМА А. А. ЛОПУХИНА.

Алексей Александрович Лопухин (род. 1864 г.) по окончании в 1886 г. юридического факультета Московского университета избрал себе судебную карьеру. В 1890 г. он был назначен товарищем прокурора Рязанского окружного суда, в 1893 г. — Московского окружного суда; в 1896 г. — прокурором Тверского окружного суда, в 1899 г.—Московского окружного суда; в 1900 г.— Петербургского окружного суда, в начале 1902 г. — прокурором Харьковской судебной палаты. Здесь ему пришлось заняться делом о крестьянских волнениях, разыгравшихся в то время в Харьковской и Полтавской губерниях. Тогда же он познакомился с министром внутренних дел В. К. Плеве, приезжавшим в Харьков, чтобы ознакомиться с крестьянским движением. По приглашению Плеве Лопухин расстался с судебным ведомством и перешел на службу в министерство внутренних дел. 9 мая 1902 г. он был назначен директором департамента полиции. Лопухин был знаком с Зубатовым еще по Москве, и по его инициативе и произошла замена Ратаева Зубатовым, о которой мы говорили выше. В должности директора департамента полиции Лопухин пробыл до 4 марта 1905 г., когда он был назначен Эстляндским губернатором. Поводом к увольнению Лопухина из департамента полиции послужило убийство великого кн. Сергея Александровича. Д. Ф. Трепов, ставший в то время петербургским градоначальником,

открыто обвинял Лопухина в том, что он — «убийца» великого князя, ибо в свое время отказался ассигновать 30 тысяч руб., которые Трепов просил у него на организацию охраны великого князя (*П.* «Департамент полиции в 1892—1908 гг.» «Былое», 1917 г., № 5-6, стр. 21). Эстляндским губернатором Лопухин пробыл всего лишь несколько месяцев, после чего причислен к министерству внутренних дел, а в июле 1906 г. вышел в отставку. После этого он пытался поступить в присяжные поверенные, но не был принят и занялся частной адвокатурой. В 1908 г. он содействовал Бурцеву в разоблачении Азефа и в связи с этим был предан суду. В 1909 г. особое присутствие сената приговорило его к каторжным работам на 5 лет. Общее собрание сената заменило каторгу ссылкой на поселение в Сибирь, которую Лопухин отбывал в Красноярске. В 1913 г. восстановлен в правах, после чего работал в Москве по банковскому делу.

Печатаемые нами письма Лопухина были написаны им Зубатову осенью 1903 г., когда Лопухин находился за границей. Как раз в это время состоялась отставка Зубатова, явившаяся для Лопухина неожиданностью.

I.

21 августа / 3 сентября 1903 г.

Многоуважаемый Сергей Васильевич,

Мой адрес: Jersey, Corbière, Hôtel Pavilion. Если есть что-нибудь интересное — сообщите. Прочел в одной французской газетке о назначении Витте председателем комитета министров. Что сие значит? Это может иметь огромное политическое значение [1]).

Устроились мы здесь отлично, и, кажется, удастся отдохнуть и набраться сил на предстоящий сезон.

До свидания. Крепко жму вашу руку.

Глубоко уважающий вас *А. Лопухин.*

II.

2/15 сентября 1903 г.

Многоуважаемый Сергей Васильевич,

Неужели вы мне ни разу не писали? До сих пор получил от вас (через Ратаева) [2]) печатную записку о беспорядках в Керчи [3]) и только. Боюсь, что письма не заказные не доходят или дойдут с большим опозданием. Пожалуйста, хоть коротенькими письмами держите меня в курсе того, что у вас делается. Я не только от вас, но и вообще из департамента ни строчки не получил. Сегодня в «Новом Времени», которое получаю

от Ратаева, прочел об антиеврейских беспорядках в Англии [4]). Они будут иметь огромное значение для России, ибо дадут опору антисемитическому движению у нас, и если нам осенью удастся приступить к еврейскому вопросу [5]), решение его будет еще больше осложнено, ибо вряд ли то, что было, останется в Англии единичным случаем, а если там движение разрастется, то у нас бог знает, что будет твориться, хотя бы в прессе. Здесь на досуге я кое-что прочел по истории еврейства и в результате весьма мрачными глазами смотрю в будущее: и от еврейства нечего ждать, и мы ему вряд ли что-нибудь дадим, а дать нужно. Масонство, с которым я познакомился здесь, — довольно, впрочем, поверхностно по нескольким статейкам — и в котором главную роль играют все-таки евреи, страшно нам, как сила не действующая, а оказывающая поддержку; от него, по всей вероятности, у революционеров деньги; хотя ничто не помешает и ему перейти к действию, когда оно перейдет к нам, — теперь у нас для всяких толков и организаций есть благоприятная почва.

Пребыванием здесь я доволен, отдохну как следует и кое с чем познакомлюсь для будущей работы. Выписал из Парижа несколько сочинений по организации инспекции труда, так как надеюсь, что моя поездка в Одессу не пройдет бесследно [6]). До свидания, многоуважаемый Сергей Васильевич. Крепко жму вашу руку. С нетерпением жду от вас известий.

Искренно уважающий вас *А. Лопухин.*

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) С первых же дней назначения Плеве министром внутренних дел между ним и С. Ю. Витте, бывшим в то время министром финансов, началась борьба, закончившаяся тем, что в августе

1903 г. Витте получил отставку и был назначен председателем комитета министров. Это было крупной победой Плеве и знаменовало утрату Витте какого бы то ни было влияния на ход государственных дел. «Пост председателя комитета министров, — пишет Витте в своих воспоминаниях (т. I, Гос. изд., 1923 г., стр. 212), — представляется совершенно бездеятельным». Важные государственные дела разрешались помимо кабинета, в него вносился разный «хлам» (по выражению того же Витте).

2) Как сказано выше, Ратаев в это время был заведующим заграничной агентурой.

3) В связи с всеобщей забастовкой, охватившей летом 1903 г. юг России, в Керчи в начале августа начались стачки рабочих, сопровождавшиеся уличными беспорядками. Рабочие забастовавших предприятий ходили по улицам и приглашали рабочих предприятий, продолжавших работу, присоединяться к забастовке. Иногда при этом они применяли силу: останавливали машины, выпускали пары из паровозов и т. п. 12 августа толпа забастовщиков была разогнана при помощи войск. Были произведены аресты. На следующий день толпа, достигавшая до 2 000, направилась к полицейскому участку, чтобы освободить арестованных. Были вызваны войска, которые открыли огонь по толпе, в результате чего один демонстрант был убит, двое — тяжело ранены, легко раненых было большое число (см. «Искра», № 49 за 1903 г.; «Революционная Россия», № 33 за 1903 г. В «Искре» керченские события неправильно отнесены на 12-13 сентября, вместо августа).

4) В августе 1903 г. в Южном Уэльсе на почве конкуренции горняков-англичан с рабочими евреями, выходцами из Польши и Румынии, было несколько случаев избиения евреев и нападения на их жилища. Заметка об этом была помещена в «Новом Времени» от 24 августа 1903 г. Ее-то и читал Лопухин.

5) В заведывании Лопухина находились дела по еврейскому вопросу, производившиеся в министерстве внутренних дел.

6) Повидимому, интерес Лопухина к вопросам инспекции труда, равно как и поездка его в Одессу, находились в связи с насаждением зубатовских организаций. Как известно, Одесса была одним из центров «зубатовщины».

ПИСЬМО В. В. РАТКО.

Автор письма, Василий Васильевич Ратко, жандармский офицер, был одним из ближайших сотрудников Зубатова по Московскому охранному отделению. При переводе Зубатова в Петербург, Ратко был назначен на его место начальником Московского охранного отделения, а с 1906 г. — штаб-офицером для особых поручений при дворцовом коменданте. Письмо, воспроизводимое ниже, написано, когда Зубатов уже жил в опале во Владимире. Тем характернее просьба Ратко к Зубатову приехать в Москву и помочь своим «трезвым умом и опытностью».

Обстоятельства, вызвавшие это обращение, сводятся к следующему. 28 ноября 1904 г. в Петербурге произошла большая студенческая демонстрация на Невском проспекте, закончившаяся жестоким избиением демонстрантов жандармами, вызвавшим известный протест петербургских литераторов. Когда сведения о петербургских событиях достигли до Москвы, местный комитет партии эсеров решил назначить на 5 и 6 декабря вооруженные демонстрации (московские социал-демократы были против демонстраций, считая их заранее обреченными на неудачу) и выпустил две прокламации: одну — с призывом принять участие в демонстрации и другую — с предупреждением генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича и обер-полицеймейстера Д. Ф. Трепова, что в случае применения ими

к демонстрантам таких же мер, какие были применены в Петербурге, партия эсеров возложит ответственность за это на них обоих. 5 декабря демонстранты начали собираться на Страстной площади. Выкинув красный флаг, с пением «Марсельезы» они двинулись вниз по Тверской к дому генерал-губернатора. На Тверской они были окружены жандармами и полицией, открывшими по демонстрантам огонь. Началось избиение, которым руководил лично Трепов. 6 декабря демонстрация повторилась, повторились и избиения.

Московский комитет партии эсеров решил привести в исполнение свой смертный приговор Трепову. Выполнить его взялся один из пострадавших во время демонстрации 5 декабря, Алексей Полторацкий. Для этой цели его снабдили револьвером, однако, затем почему-то этот револьвер отобрали. Тогда Полторацкий решил произвести покушение на Трепова самостоятельно. Узнав, что 2 января 1905 г. Трепов уезжает в Петербург, он явился на Николаевский вокзал и, дождавшись выхода Трепова на перрон, произвел в него два выстрела. Револьвер, который Полторацкому удалось достать, был очень плохой, и Полторацкий промахнулся. 23 января 1906 г. его судили в особом присутствии московской судебной палаты и приговорили к тюремному заключению на 5 лет. Весной 1908 г. Полторацкий был казнен по приговору Московского военно-окружного суда за попытку к бегству и нанесение тяжелых поранений тюремному надзирателю. (См. об этом статью Москвича «К истории одного покушения» в № 14 заграничного «Былого» за 1912 г.)

---

3 декабря 1904 г.

Дорогой родной Сергей Васильевич.

Пишу к вам из конспиративной квартиры, спешу, а потому простите за краткость. Если это вас не затруднит, не откажите, в память нашей совместной службы и до сего времени сохранившихся дружеских отношений, приехать хотя бы на денек и немного меня поддержать нравственно. Я совершенно измучен: все ходит ходуном, а силы и средства для борьбы совершенно парализованы — не знаешь, что делать. Ответственность не снята, а сделано все для создания революционного настроения и сознания, что самое главное, полной безнаказанности. Цинизм либералов и нахальство революционеров дошло до maximum'а и, кажется, уже дальше итти нельзя.

5 и 6 назначены вооруженные демонстрации, организуемые освобожденцами сверху и социал-демократами и главное эсерами — снизу. Рабочих будут предварительно поить водкой; вооружают железными прутьями. Многие явятся с револьверами. Д. Ф. хотят обязательно укокошить и в доме великого князя бить стекла. Место демонстрации — дом генерал-губернатора — к 1 часу дня 5-го.

Дорогой Сергей Васильевич, я совершенно одинок, приезжайте завтра к вечеру и помогите мне вашим трезвым умом и опытностью. Сегодня дал телеграмму

департаменту — прошу указания, могу ли произвести предварительные аресты.

Очень и очень был бы вам благодарен, если бы вы были так добры, что приехали бы к вечеру. Дайте телеграмму, но только если это вас не очень затруднит.

Александре Николаевне *) наш низкий поклон.

Весь ваш *Вас. Р[атко]*.

---

*) Жена Зубатова, урожденная Михина. Скончалась года три тому назад в Москве.

ПИСЬМО А. И. ВОЙЛОШНИКОВА.

А. И. Войлошников был делопроизводителем Московского охранного отделения при Зубатове и Ратко. Впоследствии Войлошников был начальником московской сыскной полиции. 14 декабря 1905 г. во время восстания в Москве он был захвачен дружиной боевиков и расстрелян.

При чтении его письма необходимо иметь в виду комментарии, данные выше к письму Ратко.

14 декабря 1904 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Васильевич,

Пишу вам по просьбе Василия Васильевича [1]). Генерал Трепов в начале января уходит на Дальний Восток [2]). Против него так обозлены (решительно все), что ждем с часа на час, что его убьют. Положение не из веселых. Василий Васильевич просил вам передать, что он на-днях напишет.

Позвольте мне, дорогой Сергей Васильевич, от всей души поздравить вас с благополучным разрешением вашего положения и крепко-крепко поцеловать вас [3]).

Ваш *А. Войлошников.*

P. S. У нас идет такая свистопляска, что не приведи бог. Сию минуту наша молодежь скандалит на земском собрании [4]).

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Ратко.

2) После событий 5 и 6 декабря в Москве, о которых сказано выше, Трепову пришлось подать в отставку по телеграмме министра внутренних дел кн. Святополк-Мирского, намекнувшего Трепову, что проявленные им на улицах Москвы боевые способности с большим успехом могут быть применены в действиях против японцев. Трепов был прикомандирован в распоряжение главнокомандующего ген. Куропаткина. Отъезд его в действующую армию предполагался в начале января. Московский комитет партии эсеров почти открыто заявлял, что он не выпустит Тре-

пова живым из Москвы. Покушение подготовлялось на 25 декабря, но не состоялось. На Дальний Восток Трепов, однако, не поехал ввиду того, что после событий 9 января в Петербурге был назначен петербургским генерал-губернатором.

3) В конце 1904 г. Зубатов был восстановлен в правах с разрешением ему въезда в столицы. Однако, он остался жить во Владимире. Одновременно с этим Зубатову была высочайше пожалована пенсия.

4) На открытии московского губернского земского собрания 14 декабря студенчество устроило противоправительственную демонстрацию.

ПИСЬМО Е. К. КЛИМОВИЧА.

Автор печатаемого ниже письма, Евгений Константинович Климович — видный деятель царской охранки, дослужившийся в 1916 г. до должности директора департамента полиции. В 1906 г., когда им было написано это письмо, Климович занимал должность начальника Московського охранного отделения. Письмо его весьма любопытно в том отношении, что является доказательством тесного сотрудничества охранки с Союзом русского народа.

20 октября [1906 г.]

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Васильевич,

В своем стремлении развить пропагандистическую деятельность, Союз русского народа добился отпечатания и распространения 35 000 прилагаемого воззвания.

Очень мне было бы желательно узнать ваше мнение по поводу этих воззваний, а также позволяю себе обратиться к вам с просьбой помочь вашим пером. Не напишете ли нам что-либо в мирном духе, к солдатам, к учащимся, к рабочим или на злобу дня — все равно, а «русский» издаст это, конечно, анонимно или от своего имени.

Ваше знание движения и знание души народа, конечно, поможет вам попасть в цель. Союз же беден литературными средствами, а камин топить надо.

В надежде, что вы не поставите мне в укор моего обращения и окажете ваше содействие, остаюсь искренно преданный и любящий вас

Е. Климович.

ПРИМЕЧАНИЕ.

Дата этого письма устанавливается на основании письма Зубатова к Бурцеву от 12 декабря 1906 г. (см. ниже), в котором Зубатов, между прочим, писал: «Вы мне предлагаете воспоминания; Союз русского народа просит писать им воззвания». Несомненно, что Зубатов при этом имел в виду письмо Климовича.

ПЕРЕПИСКА С. В. ЗУБАТОВА С В. Л. БУРЦЕВЫМ.

Поводом для возникновения этой переписки явилась статья известного народовольца, а позднее одного из основателей и вождей партии социалистов-революционеров, Михаила Рафаиловича Гоца: «С. В. Зубатов. Страничка из пережитого», напечатанная в № 9 «Былого» за 1906 г. В этой статье Гоц, знавший Зубатова по московским революционным кружкам начала восьмидесятых годов, рассказывал о первых шагах Зубатова на поприще агента-провокатора. Начало сношений Зубатова с охранкой Гоц относит на конец 1884 или на начало 1885 г., когда, по словам Гоца, Зубатова вызвал к себе начальник Московского охранного отделения Бердяев и предложил на выбор: или поступить в шпионы, или быть высланным из Москвы. Зубатов выбрал первое. Первой крупной выдачей, которая с несомненностью может быть приписана Зубатову, был, по мнению Гоца, арест весной 1886 г. близкого к «Народной Воле» революционного кружка, во главе которого стояли Соломон Пик и Софья Гуревич.

Ознакомившись со статьей Гоца, Зубатов 22 ноября 1906 г. написал и послал в редакцию «Былого» письмо, с опровержением некоторых сообщений Гоца. Письмо это в «Былом», выходившем в 1906—1907 гг. в России, не было напечатано и было опубликовано В. Л. Бурцевым, вместе с двумя другими письмами Зубатова, лишь в 1912 г. на страницах № 14 заграничного «Былого» (стр. 74—76).

Письмо Зубатова дало Бурцеву повод вступить в переписку с его автором. В своих воспоминаниях (Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания. 1882—1924 гг., т. I, изд. «Гамаюн», Берлин, 1924 г., стр. 178) Бурцев так рассказывает о своей переписке с Зубатовым:

«В своих письмах к Зубатову я, как редактор «Былого», убеждал его писать воспоминания и собирать материалы. Конечно, через голову Зубатова я говорил со многими другими. Я знал, что мои к нему письма, во-первых, перехватывает полиция, а затем, что он сам о них докладывает, кому нужно. Говорят, наша переписка была даже напечатана в ограниченном количестве для руководящих сфер. Мне хотелось всех причастных к департаменту полиции приучить к тому, что я, как редактор «Былого», для изучения истории революционно-общественного движения имею право обращаться ко всем — и даже к ним — нашим врагам. Мне это надо было для того, чтобы создать нужную мне атмосферу для предпринятой мною борьбы с департаментом полиции и для того, чтобы удобнее было собирать материалы для «Былого».

I.

ПИСЬМО С. В. ЗУБАТОВА.

22 ноября 1906 г.

Милостивый государь г. редактор,

Только что прочел в сентябрьской книжке журнала «Былое» заметку о себе покойного М. Р. Гоца.

В интересах истины прошу дать место на страницах редактируемого вами журнала нижеследующим моим замечаниям.

Впервые я был вызван в охранное отделение 13 июня 1886 г. (а не «в конце 1884 или в начале 1885 г.») и, следовательно, «арест весной 1886 г. целого ряда революционеров (Пик, Гуревич и др. [1])» не может относиться к моей инициативе, почему и «быть им вполне довольным» мне нет оснований. Наоборот, именно в поведении этих господ лежит причина моего озлобления на деятелей конспирации вообще и резкий разрыв с этой категорией людей.

По собственным словам М. Р., я «не был в московской народовольческой организации, а их кружок стал все теснее и теснее сближаться с действующими московскими народовольцами». «Резкие, неблагоприятные» их обо мне «отзывы» не мешали, оказывается, им «пользоваться моими услугами» главным образом из-за библиотеки моей жены с сестрами [2]), куда «стекалась масса молодежи».

М. Р. не в силах «сам себе отдать отчет, что именно нас разъединяло», но я ему помогу и скажу: обоюдная

властность натуры, ревность к кружковой гегемонии и разность мировоззрений (он был общественник, а я — писаревец, культурник-идеалист) и моя библиотечная реформаторская деятельность, которой я отдавался всей душою, но по поводу которой не раз замечал кривые улыбки на конспираторских устах.

Арест Пика и других отразился на библиотеке самым для нас удивительным образом: инспекция по делам печати предложила дежурившей в библиотеке сестре жены, слушательнице Лубянских курсов по математическому отделению, выехать из родительского дома на частную квартиру [или заделать всякое сообщение библиотечного помещения с квартирой. Из последнего не было другого приличного выхода] *); пришлось выехать любимейшему члену семьи, к тому же совершенно чуждому какой-либо кружковщины. Не желая ее оставить одну, к ней же переехала мать. Получился страшнейший семейный скандал. Тесть, отставной полковник, кинулся на меня, но я ничего не понимал. Наконец, 13 июня 1886 г. меня пригласили в охранное отделение, где мне и поведали, как «пользовались моими услугами» кривоулыбавшиеся господа: они обратили нашу библиотеку в очаг конспирации, очевидно, считая себя вправе, за благостью своих конечных целей, совершенно игнорировать мою личность, стремления, волю и семейное положение [3]). Я оказывался в глупейшем и подлейшем положении. Сообразив, что со своей точки зрения они могли считать себя вполне правыми (такова тактика) и, следовательно, подобным же неприятностям всегда могла подвергнуться масса лиц, инако мыслящих и действующих, я дал себе клятву бороться впредь всеми силами с этой вредной категорией людей, отвечая на

*) В квадратных скобках — зачеркнутое автором письма: *Б. К.*

их конспирацию контр-конспирацией, зуб за зуб, вышибая клин клином. Охранное отделение тут же предложило мне и практический способ осуществления моих намерений. Он показался мне чересчур исключительным, но, обсуждая зрело этот план, я нашел его вполне достигающим цели и открывающим даже широкие перспективы для положительной деятельности. Дальнейшее показало, что я не ошибся, и ныне я себя чувствую совершенно нравственно удовлетворенным, а также вполне правым в своем отношении к «красным иезуитам», выражаясь на современном языке.

Этого обстоятельства М. Р. или не знал, или сознательно его опустил, между тем без знакомства с ним нельзя совершенно понять происшедшей во мне перемены к своим «друзьям».

Коснусь еще своего знакомства с Рубинком (арестованным в 1884 г.) [4]). Он не только был знаком со мною, но и явился невольной причиной оставления мною гимназии. Из воспоминаний Михаила Рафаиловича видно, как велико было около меня число евреев. Рубинок же посещал меня наиболее часто. Это раздражало моего покойного отца, который войдя как-то в мою комнату (с отдельным ходом) в учебные часы и в предэкзаменационное время и застав меня дома, устроил мне сцену, которая после разговора окончилась тем, что он поехал в гимназию и взял мои бумаги. Не учебное начальство исключило меня из гимназии, а родной отец в минуту раздражения на моих «товарищей».

Справедливость требует добавить, что в кратковременный период контр-конспиративной деятельности (несколько месяцев) имело место два-три случая, очень тяжелых для моего нравственного существа, но они произошли не по моей вине, а по неосмотрительности и из-за неумелой техники моих руководителей. Эти

случаи дали мне в жизни большой урок, показав, как не следует вести дело, и научив его должной постановке.

К катастрофе М. Р. [5]) я не причастен. Это — факт, и время установит его с точностью.

В воспоминаниях М. Р. имеется еще много другого фактически неверного, неправильно освещенного и несправедливо расцененного, но опровергать все это не стоит труда и бумаги, дабы не повторилась история со «стриженным и бритым».

Примите, м. г., уверение в совершенном почтении.

С. Зубатов.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Соломон Аркадьевич Пик и Софья Яковлевна Гуревич возглавляли народовольческий кружок, существовавший в Москве в 1885—1886 гг. В марте 1886 г. Пик, Гуревич и др. члены кружка были арестованы. Сосланные в административном порядке в Сибирь, Пик и Гуревич были убиты во время якутского протеста 1889 г. Повидимому, Зубатов к провалу кружка Пика и Гуревич действительно не имел отношения.

2) Жена Зубатова в середине 80-х годов содержала в Москве на Тверском бульваре библиотеку, пользовавшуюся большой известностью среди московской революционной молодежи.

3) Трудно поверить, что Зубатов не был осведомлен в конспирациях, происходивших в библиотеке его жены. Во всяком случае, он не мог не знать, что там имеется большой запас нелегальной литературы. К. М. Терешкович в своих воспоминаниях «Московская молодежь 80-х годов и Сергей Зубатов» сообщает, что группа Гоца снабжала библиотеку жены Зубатова запрещенными книгами («Минувшие Годы», 1908 г., № 5-6, стр. 209). Да и сам Зубатов не был чужд конспиративных предприятий. Тот же К. М. Терешкович свидетельствует, что когда нехватило шрифта для предположенной в Москве тайной типографии, он обратился к Зубатову, который достал шрифт (там же, стр. 211).

4) Осип Григорьевич Рубинок, народоволец, арестованный в 1884 г. в Москве по делу Г. Лопатина, был сослан в административном порядке в Якутскую область на 3 года. Под влиянием

тяжелых условий жизни в ссылке сошел с ума и вскоре после возвращения (в 1888 г.) в Европейскую Россию умер.

5) Т. е. арест М. Р. Гоца.

II.

ПИСЬМО В. Л. БУРЦЕВА.

[25 ноября 1906 г.]

Милостивый государь Сергей Васильевич.

Только что получил от вас письмо относительно статьи Гоца. Мы ищем истины и охотно восстановим все, что так или иначе ошибочно отмечено у нас на страницах «Былого». Нас никто и никогда не упрекнет, что прятали правду. Теперь в России, по крайней мере для истории 70—80-х годов, наступило уже время, когда мы все можем писать, или, по крайней мере, почти все. Скоро, наверное, рамки нашей работы могут быть раздвинуты.

Вы, конечно, один из самых любопытных свидетелей 80—90-х годов и начала 1900 г. От вас хотелось бы услышать обстоятельный комментарий к событиям, как бы мы с ним ни расходились в оценке.

Ваше письмо переворачивает у меня представление о многом, что было в 1886 г. — и поэтому я прошу вас очень немного подождать с опубликованием вашего письма. Я скоро подведу кое-какие итоги из восьмидесятых годов и тогда в общей картине ваш голос читатель прочтет с большей пользой и будет делать выводы, выслушав обе стороны.

Остаюсь с почтением *Влад. Бурцев.*

Мой личный адрес: 81, Невский проспект, кв. 7.

ПРИМЕЧАНИЕ.

Письмо датируется на основании имеющейся на нем отметки Зубатова: «Получено 27 ноября 1906 г.».

III.

ПИСЬМО С. В. ЗУБАТОВА.

27 ноября 1906 г.

Милостивый государь Владимир Львович!

Ваше милое письмо меняет все дело. Только что сейчас сообразил, какую конец моего письма должен был причинить вам нравственную боль, — вам, творцу и душе «Былого». Усердно прошу и уполномочиваю вас проредактировать мое письмо, выкинув из него всякую элоквенцию и поместить его в той форме и тогда, когда и как вы признаете это нужным. Я никогда не высказывался публично о своей контр-конспиративной деятельности. По рабочему вопросу я отчитался в «Вестнике Европы» [1]), в этом же отношении надеялся использовать ваш журнал, такова была цель моего письма.

Я очень рад, что обстоятельства складываются иначе, ибо резкий тон в отношении товарища юности Мишки Гоц, да еще покойного, меня очень смущал. Он был занозистый, но очень хороший человек, к тому же стойкий боец, с которым, находясь на разных полюсах, мы дрались добрый десяток лет.

Кстати о юности. В. А. Гольцев, также покойный ныне (мне судьба: кто лихом помянет, сейчас же умрет), слукавил в конце описания нашего знакомства [2]). Дело относится к концу моей контр-конспиративной деятельности. Я знал, что слухи (вернее шип) идут от него и пошел в открытую, узнать точно от него: по своей хитрости, ловкости и трусости он отрекся. Теперь же он

выставляет себя героем. Само собою понятно, что если бы он только посмел сознаться предо мною в своих конспиративных сношениях с тюрьмой, ему бы уже никогда потом не крестить своих незаконных детей в редакции «Русской Мысли».

От всей души желаю вам успеха с «Былым».

Уважающий вас *С. Зубатов.*

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) В № 3 «Вестника Европы» за 1906 г. было напечатано письмо в редакцию Зубатова (стр. 432—436), в котором он оправдывался от обвинения в том, что созданные им рабочие организации были по существу полицейскими ловушками. Зубатов старался доказать, что осуществление его плана вело «к сокращению сферы розыска и репрессии, а не к увеличению ее».

2) Гольцев, Виктор Александрович (1850—1906 г.) — известный публицист либерального направления, редактор журнала «Русская Мысль». Зубатов имеет в виду воспоминания Гольцева о его знакомстве с Зубатовым, напечатанные в № 11 «Русской Мысли» за 1906 г. Гольцев рассказывает, что в 1886 г. он познакомился с студентами Петровской академии и барышнями, которые стали брать у него книги из его библиотеки. Заходить за книгами они поручили своему приятелю, Зубатову. Последний, пользуясь этим, часто заходил к Гольцеву и даже вызвался переписать его библиотеку, что и выполнил. Через некоторое время к Гольцеву в редакцию явилась неизвестная дама, которая передала ему письмо от одной из знакомых из тюрьмы. Письмо это заключало в себе обвинение Зубатова в предательстве и просьбу предупредить кого возможно об этом. Гольцев постарался исполнить эту просьбу. Недели через 2 или 3 после этого на квартиру к Гольцеву явился сам Зубатов и начал говорить о том, что Гольцев распространяет о нем слухи, как о шпионе и провокаторе. «Я отвечал, — рассказывает Гольцев, — что это не слух, а факт, переданный мне из тюрьмы. Тогда г. Зубатов торопливо удаляется, прибавляя, что это несправедливо, что я скоро должен буду убедиться в этом».

IV.

ПИСЬМО В. Л. БУРЦЕВА.

[8 декабря 1906 г.] [1]
81, Невский пр., кв. 7.

Милостивый государь Сергей Васильевич.

Получил ваше второе ко мне письмо и перечитал его с таким же вниманием и интересом, как и первое, как и ваше письмо в «Вестнике Европы». Вы пишете прекрасно, ваши термины как топором определяют то, что вы хотите высказать. Вот кому следовало бы сидеть за письменным столом и писать, писать, писать... У вас нашлась бы обширная аудитория, в которой одним из первых был бы я.

Вы пишете, что, по всей вероятности, меня затронул ваш отзыв о Гоце в вашем письме. И да, и нет. Да — потому, что вашей точки зрения я, конечно, не разделяю. Нет — потому, что я понимаю, что у вас другого взгляда на деятельность Гоца и не могло быть. Меня в ваших письмах останавливает не оценка ваша событий, а их анализ, — и особенно факты.

Наша с вами переписка для многих могла бы еще недавно показаться абсурдом: все развели бы руками и спросили, как она могла начаться. А между тем, это я-то понимаю прекрасно: ваши письма меня очень интересуют. Я прежде всего литератор, притом историк. Я ищу истины. У меня на первом плане констатирование объективной правды, а именно — ее величества Правды *). Как пьяница ищет водочки, так я ищу правды. В процессе констатирования фактов — правды — этой правды *), у меня стушевывается очень многое. Я спокойно могу выслушивать

---

*) В подлиннике крупными буквами. *Б. К.*

все, анализирую все и, выслушавши всех и все, я делаю выводы. Может быть, поэтому я никогда не состоял ни в одной партии, хотя всегда держался очень определенных взглядов, никогда их не скрывал, открыто исповедывал и ни разу в жизни (ни разу!) не усумнился в их правоте. Вот почему я с величайшим удовольствием прочту все, что вы напишете. Мне надо знать жизнь как она была и как она есть. Вне правды у меня нет ни бога, ни богов.

В ваших письмах вы только мельком коснулись близких вам событий, но и это очень заняло меня. То, что вы написали в «Вестнике Европы» и «Былом», это одна стотысячная доля того, что вы можете сказать интересного. В вашей власти теперь сделаться одним из крупных, влиятельнейших деятелей в том деле, которое меня так занимает: выяснение правды. Вы можете дать поразительные вещи. Ваш голос может в освободительном движении сыграть огромную роль. Ваша предыдущая деятельность оставила в русской жизни яркий след в известном смысле, но она же дала вам такое положение в настоящее время, какого ни у кого из нас нет. Вы видели русскую жизнь с той стороны, какой мы не знаем, вы ее знаете в этом отношении так, как мы ее и знать не можем. В ваших руках сила, власть. Вы можете вмешаться в русскую жизнь так, что все Гоцы будут с величайшим вниманием читать все, что вы напишете. Я буду одним из первых Гоцов. Вам не нужна ничья помощь: у вас в руках чудно работает перо. От вас зависит сделать себе огромную, ценную аудиторию. Вам есть что рассказать, а читатели найдутся. Отчего вы так мало пишете? Может быть, пишете, но не печатаете?

У меня есть несколько воспоминаний о вас со стороны кой-кого из тех, кто сталкивался с вами, есть до-

клад ваш (прекрасно написанный), доклад Сер[гею] Ал[ександровичу] 1897 г.[2]), помню немало гневных рассказов о вас за границей — вот и все. Когда соберутся материалы, тогда я постараюсь поместить две-три статьи в «Былом». Мне неясна история с Шевичем[3]), но, признаюсь, меня рабочий вопрос с этой его стороны не особенно интересует, — меня, как политика, занимает более политика. В этой области я в событиях, связанных с вашим именем, знаю еще менее, и очень жалею об этом.

Кстати, где Ландезен-Геккельман[4])? Где Паули[5])? Ну, всех вопросов и не пересчитать.

Остаюсь с почтением *Влад. Бурцев.*

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Письмо датируется на основании имеющейся на нем пометки Зубатова: «Получено 10 декабря 1906 г.».

2) Доклад, о котором упоминает Бурцев, был представлен в 1898 г. московским обер-полицеймейстером Д. Ф. Треповым Московскому генерал-губернатору вел. кн. Сергею Александровичу. Доклад этот был извлечением из обширной записки по рабочему вопросу, составленной для Трепова Зубатовым. В этой записке Зубатов впервые развил свои мысли относительно легализации рабочего движения.

3) Не Шевич, а Шаевич, Генрих Исаевич, один из организаторов «Еврейской независимой рабочей партии» и «Союза машиностроительных и механических рабочих» в Одессе. После знаменитой одесской забастовки 1903 г. Шаевич был арестован и сослан сперва в Вологду, а затем в Восточную Сибирь на 5 лет. В 1904 г. освобожден от ссылки с воспрещением жительства в столицах и Одессе.

4) Абрам Геккельман в начале 80-х годов, в бытность свою студентом Петербургского горного института был секретным сотрудником петербургского охранного отделения. Затем он продолжал свою деятельность в Дерпте, а в 1884 г., заподозренный в провокации, уехал за границу и поступил под фамилией Ландо-

зена в Цюрихский политехникум. Находясь за границей, Ландезен давал сведения о русской эмиграции, а в 1890 г., по поручению заведующего заграничной агентурой знаменитого Рачковского, вовлек группу парижских эмигрантов (Кашинцева, Теплова, Степанова и др.) в организацию мастерской бомб для убийства Александра III. Ландезен снабдил эмигрантов деньгами на оборудование мастерской. Дело кончилось сенсационным процессом в Париже, к которому был привлечен и Ландезен. Он успел скрыться в Бельгию и заочно был приговорен парижским судом как «подстрекатель» к пяти годам тюремного заключения. В 90-х годах Ландезен выполняет ряд «ответственных» поручений по организации охраны путешествующих по Европе членов русского царствующего дома. В 1896 г. он превращается в инженера Аркадия Михайловича Гартинга и сопровождает Николая II во время поездки его в Париж и Лондон, за что, между прочим, получает от французского правительства орден почетного легиона. С 1900 г. по 1905 г. Гартинг заведует берлинской политической агентурой, а в августе 1905 г. назначается вместо Ратаева заведующим заграничной агентурой и поселяется в Париже. В 1906 г., когда Бурцев спрашивал Зубатова о Геккельмане, он еще не знал о блестящей карьере своего старого знакомого по парижской эмиграции конца 80-х годов. Лишь в начале 1909 г. Бурцеву, при помощи бывшего сотрудника департамента полиции Л. П. Меньщикова, удалось разоблачить Гартинга и тем самым положить конец его провокаторской деятельности. В 1915—1917 гг. Гартинг работал в русской контр-разведке за границей; эта деятельность его продолжалась и после Февральской революции при Временном правительстве.

5) Паули, Николай Карлович, в 1883 г. по делу народовольческой типографии был сослан в административном порядке в Енисейскую губ., откуда в 1886 г. бежал, но был задержан и выслан в Якутскую область; оттуда он вновь бежал в 1888 г. и вновь был пойман и водворен в Средний Колымск. В ссылке пробыл до 1896 г., после чего эмигрировал. За границей примкнул к «Аграрно-социалистической лиге», организованной в 1900 г. В. Черновым, Ф. Волховским, Л. Шишко, Х. Житловским и др. В июне 1901 г. Паули был выслан французским правительством из Парижа, вследствие выяснившихся его сношений с русской тайной агентурой. Допрошенный по этому поводу товарищами по «Лиге», Паули сообщил, что в апреле 1900 г. он сделал попытку на свой личный страх и риск вступить в сношения с русской поли-

тической полицией и вел с этой целью письменные и устные переговоры, которые, однако, скоро прекратились и не были связаны по его плану ни с каким предательством или выдачей. Для расследования дела Паули, лига назначила комиссию, которая пришла к заключению, что попытка Паули была с его стороны лишь плодом крайне ложного и безусловно вредного взгляда на способы революционной борьбы, а не чего-либо иного, и предложила Паули выйти из состава лиги (см. объявление лиги, напечатанное в № 15 «Искры» за 1902 г.). Вскоре после этого Паули вернулся в Россию и на границе был арестован. Через некоторое время был произведен ряд арестов, причем арестованным в виде обвинения предъявлялись откровенные показания Паули. Впоследствии Паули был редактором газеты «Туркестанский курьер» в Ташкенте. В 1907 г. он имел нахальство явиться на открытие II Государственной думы в качестве корреспондента этой газеты; однако Паули был разоблачен и исключен журналистами из своей среды. Дальнейшая судьба Паули нам неизвестна. Можно лишь добавить, что в 1920 г. его встречали в Одессе.

V.

ПИСЬМО С. В. ЗУБАТОВА.

12 декабря 1906 г.

Милостивый государь Владимир Львович,

Крайне признателен вам за ваше внимание и любезное письмо. Обнаруженных вами во мне талантов я и не подозревал. Искони я не жаловал канцелярщины, прибегая при нужде к диктовке, почему занятие литературным трудом мне представляется чем-то диким и несуразным. Кроме того я обретаюсь сейчас в непонятном даже для себя положении.

Живу я здесь анахоретом, абсолютно не имея знакомых в городе, зарывшись в книги и газеты и переживая таким образом «вторую молодость». Кроме близких родных, никто ко мне не наезжает. При все том я почтительно отклонил лестные для себя приглашения

возвратиться к делам, сделанные мне по очереди кн. Святополк-Мирским, Д. Ф. Треповым и гр. С. Ю. Витте. Причины этому были две. Во-первых, у меня сын студент; возвращение мое к делам вызвало бы крик, а при партийных нравах с личностью — самоцелью в принципе и родовыми понятиями на практике, с местью до 7-го колена, это могло бы закончиться для него печально. Во-вторых, мое духовное состояние дисгармонировало с обратным поступлением на службу.

Моя продолжительная и бессменная служебная деятельность, с массою людских встреч и положений, привела меня к убеждению, что вся политическая борьба носит какое-то печальное, но тяжелое недоразумение, не замечаемое борющимися сторонами. Люди отчасти не могут, а отчасти не хотят понять друг друга и в силу этого тузят один другого без милосердия. Между тем и с той и с другой стороны в большинстве встречаются прекрасные личности. Начиная с 1897 г., я пытался найти почву для примирения. Для этого я сам беседовал с арестованными, изучал их, дружился с ними, докладывал о результатах своих сношений с ними верхам, ломал с ведома последних целые дела, взывал к реформам, доказывая выгодность всего этого и с полицейской точки зрения, и с личной точки зрения тех, «кому вольготно, весело живется на Руси». Выйдя на волю, освобожденные из-под стражи глубокомысленно объясняли мои действия «заигрыванием», «провокаторством», а консервативный элемент видел в них «гениальничание», отрыжку революции. Сам я верил и верю, что правильно понятая монархическая идея в состоянии дать все нужное стране при развязанности общественных сил («Гражданин», №№ 82 и 87), притом без крови и прочих мерзостей. Какая гарантия того, что, не изжив одной политической идеи, люди не испакостят

и другой, считаемой ими более совершенной [демократической республиканской] *)? По существу обе идеи равноценны. Не в них, следовательно, дело, а в самих людях. Жизненный опыт отшиб у меня оптимизм в отношении людей, и я стал склонен к пессимизму Кальвина, к вере в греховность человеческой натуры.

Тем не менее я отравил своим сомнением многих хороших людей на верхах административной лестницы, и они остались верны своей совести в дальнейшей службе, когда я был уже не у дел. Кн. Святополк-Мирский, Д. Ф. Трепов, граф С. Ю. Витте явились первоисточниками ныне переживаемого; их толчок был подхвачен и развит свободными общественными силами. Понятно, с каким захватывающим интересом я слежу за окончанием настоящего движения, стараясь определить равнодействующую борющихся сил и угадать содержание будущего компромисса.

Если бы я вернулся к делам, мне бы пришлось опять сосредоточиться на репрессии, а это еще менее прежнего могло удовлетворить меня, ибо не в ней, по-моему, лежит суть дела. Вот почему я почтительнейше отклонил сделанные мне предложения вернуться к делам. Вышвырнув меня, Плеве оказал мне неоценимую услугу. Гордость и совесть никогда бы не позволили мне кинуть дело в тяжелую для него минуту. Я либо продолжал бы терзаться, либо попал под браунинг.

Что я делаю сейчас — уже указано, а что я буду делать дальше — я и сам не знаю. Вы мне предлагаете писать воспоминания; Союз русского народа просит меня

*) Заключенное в квадратные скобки зачеркнуто автором письма.
Б. К.

писать им воззвания *); покойный Д. Ф. Трепов требовал от меня, чтобы я ему писал по поводу начатых государственных реформ, поясняя их с точки зрения вычитываемого мною из книг; кн. В. М. Мещерский настаивал, чтобы я писал ему приходящие мне в голову мысли и жил в Петербурге. Я ему написал, а он взял да тиснул его в «Гражданине» за нынешний год (№ 3), и я невольно оказался печатающимся. Вылезши вновь на свет, я рискнул возразить в «В[естнике] Евр[опы]»; там приняли и напечатали. За эту продерзость я был смачно облит помоями, и вновь вылезать у меня охоты немного. Появись я в таком ходовом и сенсационном журнале, как ваше «Былое», с своими воспоминаниями, партии меня растерзают и пропишут мне такую «историю», что я окажусь на улице, при общей ненависти и презрении.

Душевное вам спасибо, многоуважаемый Владимир Львович, за добрые пожелания и искреннее ко мне отношение, которое я глубоко чувствую и ценю.

Искренно вам признательный *Сергей Зубатов.*

Владимир губернский,
Дворцовая, д. Тарасова.

VI.

ПИСЬМО В. Л. БУРЦЕВА.

[16 декабря 1906 г.]

Милостивый государь Сергей Васильевич.

Получил 3-е ваше письмо. Спешу ответить вам. Ваши письма поднимают так много вопросов, хочется

*) Это после того, как В. А. Грингмут, после моей высылки в Москву, узнав от рабочих мой адрес и заключив из этого о продолжении мною пропаганды среди них, сделал на меня донос Д. Ф. Трепову, чем последний был очень обижен, ибо знал меня лучше меня самого. (Этого примечания в тексте настоящего письма, напечатанном в заграничном «Былом», не имеется. *Б. К.*).

так много говорить, так много возражать вам, так о многом просить вас, что я отказываюсь от мысли исчерпать все эти вопросы. Нечего даже и начинать этих тем. А потому я только коротко резюмирую то, что я хотел подробно высказать вам.

Я давно чуял сердцем, что вы умом, душой не на «их» стороне, что вы их отрицаете, их считаете вредными людьми, вы их презираете. На вас мне было более всех досадно, что тем не менее вы были фактически с «ними», все прошлое давало им право с «надеждой» смотреть на вас, как об этом вы пишете. Вы дали им более чем достаточно данных так думать. Я, конечно, говорю не о Св[ятополк]-Мир[ском], не о Витте, — оба они, как Лор[ис]-Меликов — люди для меня крайне симпатичные, я их очень ценю, — и если бы ближе знал их, я бы выступил в их защиту. Вы знаете, о ком я говорю.

Сергей Васильевич! Поймите, что вы столько же много дали «им» для того, чтобы они смотрели на вас, как на «своего», и столько же мало дали для наших, иначе относиться к вам, чем они относились. Вам говорит это человек, бесконечно любящий дело, свободу, народное счастье, — и притом человек, настолько свободный, что он не мог никогда быть ни в одной партии с доктринерскими задачами. Я всегда умел ценить Лорис-Меликова, и Св[ятополк]-Мир[ского], и Витте. У меня для критики уши отогнуты, глаза открыты.

Я был поражен, когда прочитал у вас, что вы рады, что Плеве вас «выбросил», иначе самому у вас нехватало энергии порвать с тем, что вы уже отрицали. Это ужасно! Я знаю, человек с умом не мог не видеть вреда и ужаса дороги, по которой шел Плеве. И для меня не удивительно, что вы тяготились этой дорогой и рады

были бежать. Но вы не делали всех выводов, которые подсказывались вашими взглядами на русские дела. Бежать всякий может, а человек — не бегун, а борец. Вы пишете, что ваша жизнь была бешеной борьбой, — зачем же вы остановились? Правда, теперь ваша борьба была бы все в том положении, как и раньше, — так что же? Тем лучше!

Сергей Васильевич. Быть «анахоретом» — не большое достоинство, не заслуга. Теперь время богатое, несмотря на весь свой ужас. Мы накануне свободы... Да, да... она будет, только надо работать для нее... Работайте...

Повторяю: у вас прекрасное перо. Пишите! Сидя в своей келье, вы можете сделать бездну важного и нужного. Делайте! Отчальте вашу ладью от «них»... Ваше исключительное положение, говорите вы. Да! У вас есть и неудобства, которых нет у нас, есть и удобства, о которых мы и мечтать не можем.

Я верю, что если вы захотите итти по новой вашей дороге, которая для вас теперь ясна, вы сделаете много хорошего, за что и Гоцы будут вам благодарны и иначе посмотрят на 80—90-е годы.

Но этого всего не скажешь в письме. Писать не берусь обо всем этом, а вот что. Я скоро буду в Москве, — поеду собирать статьи и материалы для «Былого» на 1907 г., — не заедете ли ко мне поговорить по душе? Или если желаете, я на вечерок приеду во Владимир.

Мы с вами людьми противоположных лагерей были вчера, — о нашей встрече могла итти речь лишь в тюрьме, а теперь, когда вы анахорет, отрицающий то, среди чего жил, а я социалист-литератор, по профессии долженствующий изучать прошлое, и мы теперь можем о многом поговорить.

Примите уверение. *Влад. Бурцев.*

ПРИМЕЧАНИЕ.

Дата письма установлена на основании имеющейся на нем отметки Зубатова о получении: «18 декабря 1906 г.».

VII.

ПИСЬМО С. В. ЗУБАТОВА.

18 декабря 1906 г.

Милостивый государь Владимир Львович.

Какой вы милый, страстный и увлекающийся человек. Вам бы надо именоваться не Владимир Львович, а Кипяток Львович! Выводы ваши совсем не соответствуют посылкам моего письма. Я вам писал, что долголетняя практика убедила меня в ненужности, излишестве политической свалки, логическим выводам из чего являлось затеянное мною еврейское и рабочее движение. Я верил, что развивающееся равновесие общественных сил сделает излишним механический фактор. Следовательно, мое credo основывалось на примирении, уравновешении борющихся сил. Откуда вы взяли, что я «их» отрицаю, презираю, считаю вредными людьми. Они — необходимая историческая сторона. Не понимаю также, про какую мою «новую дорогу» вы говорите. Я рассказал вам начало и конец своих мыканий, желая этим вселить в вас убеждение, что жгучее, святое беспокойство донес я до седин, несмотря на все кажущиеся неудобства моего положения. Это для меня настолько несомненно, что я себя считаю ныне вполне нравственно удовлетворенным и правым и не считаю себя обязанным заводить новую волынку. Вы обходите Д. Ф. Трепова, видимо, к нему не благоволя [1]). А ведь он — инициатор Государственной думы, автономии высших учебных заведений, рабочего законодательства и пр. Для меня он

очень дорог. Он — мой политический ученик, мой alter ego, мой стойкий и верный друг (в деле с Плеве). Начиная с 1893 г., я уже действовал в полном слиянии с департаментом, гоняя по всей России, дерясь с «красными» и ссорясь с «синими», лежебоками, у которых чуть ли . . . . *) разные . . . . *) одного пола печатали свои «бумажки». Назначение Д. Ф. в Москву застало меня уже в полном служебном расцвете и в роли баловня и фаворита Питера. Он же в то время только слез с лошади и 2 месяца сидел дома, читая законы и циркуляры. Что меня очень поразило, это внимательное чтение им прокламаций, нелегальных брошюр и пр., чего я ранее не замечал ни за кем из начальствующих лиц. Второе мое открытие состояло в том, что [он] придавал им веру, требовал проверки сообщавшихся в них фактов (обыкновенно думали: «Что может быть хорошего из Назарета?») и в официальных донесениях приставов по рабочим недоразумениям держался принципа «по совести и по справедливости», накладывая нередко правильные, но резкие резолюции на бумагах, в таком, напр., роде: «опять хозяева виноваты!» Впоследствии я убедился, что возражение ему: «это не по совести, это несправедливо», сбивало его, как быка, с ног, и он шел на все. Заметя это, я всегда приберегал этот аргумент, как неотразимый, на самые важные случаи. Словом, он был чудной души человек, щепетильно блюдущий свою честь и совесть. Но он был гвардейский офицер, и отсюда происходят все его странности: высокомерие, бранчливость, вспыльчивость, резкость, которые в существе оказывались самыми для. . . **), но манера «лаять даже на луну» пугала разговари-

---

*) Неразобрано одно слово. *Б. К.*
**) Неразобрано два слова. *Б. К.*

вавших с ним, а в мало его знавших вызывала резкое против него раздражение. Но зла он никому не делал и страшно обижался, когда кто-нибудь собирался от него уходить. Беда была с ним ладить в минуты массовых беспорядков. Будучи хорошим стратегом, он долго терпел, но стоило задеть действительно его полицейских чинов, и он становился невменяемым. Сколько раз я пытался убедить его не обращать на это внимания и относиться к событию, как к действию в раже, но ничего не мог поделать. «Не могу же я позволить бить свою полицию; нет, об этом вы мне и не говорите». А между тем драчливость полиции явилась главным обвинительным пунктом . . . *) в отношении его к великому князю Сергею Александровичу. С критерием «по совести и справедливости» можно было зайти далеко. Мы и зашли. Он скоро близко сошелся с вел. кн., я был в фаворе в Питере, и мы занялись «переоценкой ценностей». События выдвинули рабочий вопрос. Я написал о нем громадный доклад. Д. Ф. целую неделю возился с ним, ибо были вложены в него весь мой . . *) все мои политические познания. Это была для него очень интересная, но неизвестная ему область, поэтому он не только его перечитывал, но и переживал. Наконец через неделю он выкроил из моего доклада ту записку, которую вы знаете, и дал ее отшлифовать [2]). Мысли доклада стали его непоколебимым убеждением, он говорил о них и развивал их везде, в особенности в высших сферах и в своем столичном по фабричным делам присутствии, а с ведомствами вел из-за них жестокую войну. — Студенты не менее беспокоили московскую администрацию своими беспорядками. Применительно к принципам по рабочему вопросу, мы вы-

*) Неразобрано одно слово. *Б. К.*

работали и взгляды на студенческие дела [3]). Добрались затем и до взглядов на самодержавие и политическую свободу, занимаясь не столько статикой самодержавия, сколько его динамикой. Словом, всячески старались сочетать свободу и порядок. Будучи в Петербурге, он остался верен выработанным принципам и со свойственной ему прямотой и искренностью проводил их на практике. На этой работе он и сгорел. Его петербургские эксцессы я объясняю неудачным подбором сотрудников и дурным влиянием его окружающих [«Патронов не жалеть» [4]) и пр. я отношу к области канцелярского красноречия и привычке иногда лаять на луну] *). Это был цельный, хороший человек, любивший и искавший добра и правды и при этом крепко веривший, что лежавшим в нем дорогим заветам ничто хорошее и человеческое не чуждо. Он и великий князь находили министерство кн. Святополк-Мирского слабым по власти, отчего ждали бед. Один за другим они подали (6 декабря 1904 г.) [5]) прошения об отставке, которая и была принята. Великий князь был назначен московским главнокомандующим, а Д. Ф. — в действующую армию. Он должен был выехать на место 15 января 1905 г., но история с Г. А. Гапоном, в отношении которого Трепов был особого мнения и, вопреки всем, оказался правым, привела его на пост петербургского генерал-губернатора. Отсюда его сила и кредит.

Итак, вы видите, что менять направление борьбы мне не для чего, как и отрекаться мне не от кого; правде, добру, человечности я оставался верен во всякой рогожке. А повидать вас у себя я бы очень желал. Утром выедете, в 3 часа будете здесь, а в 12 ночи есть поезд на Москву [6]).

Примите уверения *С. Зубатов.*

---

*) В скобках — зачеркнутое автором письма. *Б. К.*

Быть в Москве и не обойти ее крестным ходом — для меня невозможно.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Трепов, Дмитрий Федорович род. в 1855 г., по окончании пажеского корпуса служил в лейб-гвардии конном полку. В 1896 г. был назначен московским обер-полицеймейстером и в это время находился под большим влиянием Зубатова, оказывая последнему сильную поддержку в его опытах насаждения «полицейского социализма». В декабре 1904 г. вышел в отставку и был назначен в распоряжение главнокомандующего войсками, действующими против Японии, ген. Куропаткина. Однако, прежде чем он успел отъехать в действующую армию, состоялось новое его назначение. После событий 9 января в Петербурге была восстановлена должность генерал-губернатора; 11 января Трепов был назначен на эту должность. В мае 1905 г. он, оставаясь генерал-губернатором, был назначен товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией и шефом жандармов. После назначения гр. Витте премьером, Трепов вышел в отставку и получил место дворцового коменданта. 2 сентября 1906 г. Трепов умер. С момента назначения петербургским генерал-губернатором Трепов, этот «вахмистр по воспитанию и погромщик по убеждению» (по выражению депутата I Государственной думы кн. Урусова), начинает пользоваться громадным влиянием на Николая II и становится фактическим руководителем всей правительственной политики. После назначения его дворцовым комендантом влияние Трепова не только не уменьшилось, но возросло еще более. Пользуясь своей близостью к царю, Трепов становится его постоянным советником и помощником в текущих делах. «В конце концов, он явился как бы безответственным главою правительства, а я ответственным, но маловлиятельным премьером», пишет Витте в своих воспоминаниях (т. II, стр. 71).

2) О докладе Зубатова и записке Трепова см. выше в примечаниях к письму Бурцева от 8 декабря 1906 г.

3) Попытка Зубатова и Трепова создать «зубатовские» организации среди студентов московских высших учебных заведений до сих пор не освещена в литературе. Насколько известно, эта попытка не вышла за пределы чисто подготовительного характера. Смотри специальную записку Зубатова о студенческом движении, опубликованную С. Айнзафом в № 5 «Каторги и Ссылки» за 1927 г.

4) «Патронов не жалеть» — знаменитая фраза из приказа, изданного Треповым в октябрьские дни 1905 г. относительно подавления беспорядков.

5) Об обстоятельствах, вызвавших отставку Трепова и вел. кн. Сергея Александровича в декабре 1904 г., см. выше, в примечаниях к письму Войлошникова.

6) Свидание Бурцева с Зубатовым не состоялось.

VIII.

ПИСЬМО В. Л. БУРЦЕВА.

[22 декабря 1906 г.] [1])

Милостивый государь Сергей Васильевич.

Получил ваше письмо о Тр[епове]. Да, я говорил вам о своих амнистиях Л.-Меликову, С.-Мирскому и Витте, но о Трепове умолчал. По вашим словам же, ему место не за государственными делами... Может быть, сможете доказать, что есть люди хуже его, даже, что в его характере были и хорошие черты... Но для защиты Трепова этого мало. В жизни русского общества так много ужасного, что значительную долю ответственности за этот ужас Трепов должен взять на себя.

Но в вашем письме есть многое новое для меня о Трепове. Я его знаю по литературе и по рассказам таких лиц, как его друг Чертков [2]). Я снова по поводу вашего письма скажу вам: отчего вы не пишете? Я не согласен с вашим письмом и с его главным выводом, но я прочел его с удовольствием, так как оно мне дало кое-что новое и заставляет пересматривать лишний раз сделанные раньше выводы. У нас — у меня, по крайней мере, — нет вражды во что бы то ни стало, — наша вражда не ради самой вражды. Мы ищем правды. У нас глаза открыты, уши отогнуты. Если мы не знаем второй половины русской жизни, расскажите об этом нам. Мы

слушаем. Меня, например, эпизод с вашей пропагандой среди рабочих очень занимает. Расскажите — и мы выслушаем другую сторону.

Вы думаете, что я не прав, когда говорил, что вы уже ушли в душе от «них», — а я убежден, что *я* прав. Сделали ли вы вывод из того, к чему вы пришли, я не знаю, не уверен, — я слишком мало знаю вас. Может быть, у вас не найдется энергии и смелости итти по новой дороге так, как раньше вы шли по старой дороге, а вы человек, для которого существует одно правило: или все, или ничего. Может быть, вы предполагаете остаться владимирским анахоретом, но тем не менее в душе вы будете не в старой России, а в новой. Вот только что я хотел сказать.

Я слишком люблю жизнь, свободу, историю, чтоб не желать «читать вас», вас, каким вы представляетесь мне теперь: человеком, которому приходилось видеть, знать, пережить то, рассказ о чем так нужен теперь всем русским читателям.

Вы пишете, что «Былое» очень колоритно для того объяснения событий, какое вы даете. Вы, может быть, думаете, что [мы] народ пристрастный, с предвзятыми взглядами и т. д. Я ведь не лавочник, я занимаюсь не тем, что зазываю к себе, в свою лавку. Я говорю, что вы должны писать, писать, писать... А где вы будете печатать, для меня все равно. Брошюры с вашим именем разойдутся прекрасно. Мы все прочтем их и сделаем свои выводы. Я хочу быть вашим читателем — вот и все. У вас выйдет не то, что нужно и выйдет плохо, если вы станете писать в «старом» духе, — а если возьметесь писать так, как теперь у вас интимно настроена душа, то выйдет и хорошо и интересно и будет вещью очень нужною.

. . . .

В начале января я думаю (4—10-го) быть в Москве, мне было бы очень любопытно лично побеседовать с вами. У меня так много вопросов, о которых я хотел бы выслушать ваш голос. Пока до свидания.

Готовый к вашим услугам *Вл. Бурцев.*

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Письмо датировано на основании имеющейся на нем отметки Зубатова: «получено 24 декабря».

2) Известный толстовец Владимир Григорьевич Чертков, товарищ Трепова по конно-гвардейскому полку.

IX.

ПИСЬМО В. Л. БУРЦЕВА.

[19 января 1907 г.]

Пишу вам, Сергей Васильевич, два слова.

На той неделе я буду в Москве. Не приедете ли туда вы? Я там пробуду дней 6—8.

Вы успеете еще ответить мне сюда, а кроме того, можете писать на главный почтамт в Москву на мое имя.

Готовый к вашим услугам *Вл. Бурцев.*

Если вы совсем-таки не можете приехать в Москву, я завернул бы к вам во Владимир.

Всегда, когда вспоминаю вас, у меня один вопрос возникает — пишет ли он? Вы должны, должны писать!..

Вы имеете многое, многое сказать нужное читателям...

ПРИМЕЧАНИЕ.

Письмо датировано на основании имеющейся на нем отметки Зубатова: «Получено 21 января 1907 г.».

X.

ПИСЬМО С. В. ЗУБАТОВА.

21 января 1907 г.

Неугомонный Владимир Львович.

Наша переписка вызвала страшную тревогу в охранном мире; меня завалили запросами: что, как, почему? Положение мое становится трагическим. Одни умоляют меня бросить эту затею и пожалеть их, так как гнев начальства может отозваться на них, как на присных мне; другие прямо ничего не понимают и острят: «о ваших сношениях с «убийцами», вроде Б., здесь уже давно говорят, и пассаж этот поистине удивителен; следовало бы вас сфотографировать во время беседы с Б.; несомненно, что фотография разошлась бы в большом количестве; напишите, что из всего этого вышло» [1]. Я ответил, что гора родила мышь и, не давая адреса для свидания, вы, очевидно, дело это прикончили. И вдруг опять всплывает этот пикантный вопрос.

Знаете, бросимте наши сношения, не будем дразнить гусей, а то нам обоим не поздоровится. Я пережил ужасные минуты, когда прочел об аресте декабрьской книжки «Былого», заподозрев причину сего в нашей переписке [2]. Мало того, Союз русского народа приговорил меня, оказывается, в ноябре к смерти, решив почему-то, что гр. Витте, вернувшись из-за границы и думая занять пост, пригласил меня телеграммой на службу. На мое счастье его назначение не состоялось. Едва ли надо добавлять, что никакой телеграммы не было. «Наш «союз» для него мелок; то ли дело работать с Б[урцевым]» [3]), уже говорят они. Видите, сколько против меня злобы в обывательской среде. За что — понять не могу, если не считать человеческой зависти,

лукавости и злопыхательства. Для этих славных качеств — наши сношения клад: люди во что бы то ни стало хотят сломать мне шею, и это ли не благодарный предлог. Вы находитесь, как это ни странно, в лучшем положении, чем я. Ведите свое дело, не осложняйте своего положения связями со мною, невольно я вас могу, если не совсем утопить, то здорово вам напортить, как и себе — сношениями с вами. Доброго ничего из общения у нас не выйдет. Не поминайте лихом вашего искреннего корреспондента [4]).

С. Зубатов.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) В кавычках — цитата (в немного измененном виде) из печатаемого нами ниже письма И. Манасевича-Мануйлова к Зубатову от 11 января 1907 г.

2) Декабрьская книжка «Былого» была арестована не в связи с перепиской Бурцева с Зубатовым, а из-за рецензии С. Сватикова на брошюру «Доклад П. С. Ванновского о студенческих беспорядках 1899 года». В этой рецензии была фраза: «Участники беспорядков того года вспомнят эпизод на одной сходке в университете, когда один оратор, желая перейти от частного к общему, заявил, что виноват в избиении не столько штабс-ротмистр, сколько всем известный полковник». Цензор усмотрел в этих словах, — и, конечно, вполне основательно, — «ясный и притом оскорбительный намек на личность государя-императора». Однако Петербургская судебная палата не согласилась с этим и сняла арест с книжки.

3) В кавычках, очевидно, цитата из какого-то несохранившегося в архиве Зубатова письма, полученного им от кого-то из «Союза русского народа».

4) По поводу этого письма Бурцев в своих воспоминаниях («Борьба за свободную Россию», т. I, стр. 178—179) пишет:

«В департаменте полиции вскоре заинтересовались моей перепиской с Зубатовым и во Владимир к нему был послан специальный чиновник для его допроса. Зубатов был этим сильно встревожен и тогда ему пришлось пережить немало неприятностей в связи с перепиской со мной. В своем последнем письме, когда я еще

был в Петербурге, присланном с особыми предосторожностями, чтобы оно не попало к жандармам, Зубатов умолял меня перестать писать к нему».

XI.

ПИСЬМО В. Л. БУРЦЕВА.

[24 января 1907 г.] [1])

Итак, баста! Прекратим нашу с вами, Сергей Васильевич, переписку... до, до... конституции в России!.. Она будет, мы до нее доживем, — это верно...

Итак, прекратим переписку, — признаюсь, мне не хотелось бы этого. Вы, несомненно, интересный корреспондент, — много могло бы ваше перо сказать всем нам любопытного, важного... Но что делать! Замолчим!..

Вы меня называете «неугомонным», — позвольте остаться мне верным самому себе и прекратить нашу переписку не иначе, как письмом же.

Я понимаю тех, кто в восторг приходит от мысли снять нас с вами обоих во время беседы!.. Это что-то невероятное для многих!.. Скажу, что этих невероятностей в моей жизни немало... Вот вам Лев Тихомиров. 18 лет он не видал ни одного человека с «этого берега», а я как приехал в Москву, не говоря худого слова, сейчас же пошел к нему. Я нашел в нем «православного» человека (православнее всех митрополитов вместе взятых), убежденного монархиста (более убежденного чем Дубровин [2]) и весь его союз русского народа, — Николай II недаром ему дал чернильницу), врага революционеров и особенно народовольцев. Тем не менее, мы с ним самым задушевным образом говорили уже не раз, и я никогда не поеду в Москву, чтобы не зайти к Л. Тихомирову и не побеседовать... Он, как и вы, меня интересует как

публициста. Я не состою и никогда не состоял ни в какой партии. Я всегда был вольным казаком, моя задача высказывать в печати и в частных разговорах то, что я думаю. Я не люблю встречаться с «скучными» людьми и очень рад побеседовать с людьми «колоритными». Наша с вами переписка поэтому более, чем понятна. Вы сделали поправку к статье Гоца и прислали мне письмо в редакцию. Я ответил вам, — и ответил так, как только я могу: ответил от всей души, — иначе ни говорить, ни писать не могу. Я бесконечно верю в свои идеи и никого, ничего не боюсь. Я верю, что никто меня не собьет с того, на чем я стою, а если будут сбивать, то я и сам им в этом помогу: я ищу истины и притом не боюсь. Вы понятия не имеете, до какой степени я способен на критику себя и своих друзей. Может быть, это-то мне и мешает быть партийным человеком, — но я к этому и не стремлюсь. Я хочу изучать жизнь и защищать истину. Скоро наступит время, когда мы сможем это делать открыто, в печати, в жизни, в Государственной думе. Тот, кто думает, что наша переписка с вами бессмысленна, или сектант слепой, или дурак, или негодяй убежденный. Эта троица не знает, что такое искание истины и служение ей.

Итак, прощайте! Может быть, до свидания! Очень жалею, что так прекратилась наша переписка. Жалею, если она для вас будет иметь дурные результаты... Тут и я невольно улыбаюсь, — переписка Б. может иметь дурные последствия для З!.. Да, нелепа русская жизнь! «Они» не хотят понять, что вы, как всякий другой X, Y, Z, может, подобно вам, мне писать в редакцию «Былого» о чем угодно, а что я, как писатель, обязан ему ответить и, как В. Л. Б., с удовольствием всегда буду вести переписку со всяким, кто

за душой имеет что-нибудь для кого-нибудь интересное. Кто может [запретить] кому-либо мне писать, а мне ему отвечать? Никто, никогда!..

Ну, теперь баста с нашей перепиской!

Наши большевики и с.-р. требуют широких социалистических реформ, когда в России Бурцев не имеет права встречаться и переписываться с Зубатовым, а Зубатов не может того же делать с Бурцевым!.. Бррр...

Влад. Бурцев.

Я всегда писал и действовал с открытым забралом, всякая конспирация для меня — обида, и я с величайшим спокойствием сейчас посылаю вам письмо не в редакционном конверте, а в обыкновенном.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Письмо датировано на основании имеющейся на нем отметки Зубатова о получении: «26 января 1907 г.».

2) Как известно, доктор А. И. Дубровин был председателем Союза русского народа.

3) Бурцев в своих воспоминаниях так рассказывает о своих сношениях с Л. Тихомировым: «Приехавши однажды в Москву, я написал письмо Л. А. Тихомирову и попросил с ним свидания. Я у него бывал несколько раз. Он поразил меня своей религиозностью и своим ханжеством. За едой он крестился чуть ли не при каждом куске, который клал в рот... Он дал мне рукопись для «Былого» — показания Дегаева, данные ему в Париже... В 1916 г. я хотел еще раз повидаться с Тихомировым и несколько раз писал ему, но ответа от него не получил. Знаю, что он, как и Зубатов, боялся ответить мне». Вл. Бурцев, «Борьба за свободную Россию», «Мои воспоминания» (1882—1924 гг.), т. I, из-во «Гамаюн», Берлин, 1924 г., стр. 179—180.

XII.

ПИСЬМО В. Л. БУРЦЕВА.

[1 марта 1907 г.]

Прошло много времени, как вы решительно «просили» не писать вам. Я не писал, Сергей Васильевич, и не пишу, но все-таки пару слов черкну.

Хотелось все-таки спросить вас, — пишете ли вы? Не то, что вы писали в «Гражданине» — это и не важно и не верно, — словом, ни к чему. Нет — пишете ли воспоминания? Это вы должны написать. Если у вас будет охота поделиться чем-либо из этой области с нами, то мне можете писать в редакцию, а на внутреннем конверте сделайте надпись для кого (имя и отчество мое). Можно пока писать мне прямо на мое имя до востребования в Выборг. Как переслать письмо или рукопись мне так, чтобы она не попала ни в чьи неподходящие грязные руки, вы сумеете сделать это, когда захотите.

Да, ваши воспоминания и ваши указания, заметки и т. д. были бы очень нужны. Пишу это вам раз навсегда.

Ваш . . . *) корреспондент *Влад. Бурцев.*

ПРИМЕЧАНИЕ.

Дата письма установлена на основании имеющейся на нем отметки Зубатова о получении: «4/III 1907 г.».

---

*) Одно слово не разобрано.

XIII.

ПИСЬМО В. Л. БУРЦЕВА.

11 марта 1908 г. н. ст.

Хочу обратиться к вам за небольшими разъяснениями, Сергей Васильевич!

Мне переданы три литографированные тетрадки, которые, говорят, принадлежат вашему перу, — а именно: 1) «Записка о задачах русских рабочих союзов и началах их организации», 15 стр., и «Проект устава», 4 стр., 2) «Профессиональная организация рабочих», 24 стр. и 3) «Значение 19 февраля 1902 г. для московских рабочих», 8 стр., — последняя была когда-то (когда?) напечатана в «Моск. Вед.». Правда ли, что они принадлежат вам. При каких обстоятельствах изданы? Когда? и т. д. [1]). Не можете ли вы указать список ваших всех статей. Очень хотелось бы иметь список источников по вопросам, близким к вашей деятельности, — напр., где писали Слепов и Слеповы вообще? Что-то было у него в «Русск. Деле», кажется [2]).

Вы бы сделали очень хорошее дело, если бы дали нам эти библиографические сведения. Вам сделать это нетрудно. Все у вас под руками, — а для меня было бы очень полезно.

Я хлопотал о том, чтобы было разрешено мне издавать новый самостоятельный орган (вроде «Былого»), но разрешение затянулось, и я не успел этого сделать к новому году. Теперь разрешение получил и засел за составление статей. Орган свой буду издавать с лета. Но до лета проживу здесь, — на свободе могу работать, а то последнее время в Финляндии мешали и слева, и справа. Пишете ли вы свои воспоминания? Пишите, пишите, пишите... Так дела долго не пойдут. Ничего

особенно крайнего не будет, а политическая свобода, вроде германской, будет. Следовательно, будет полная возможность все исторические вопросы разбирать серьезно в литературе. Уже «Былого» тогда не закроют! Нет! Вот готовьте к тому времени материалы и воспоминания. Но кое-что (и даже многое) можно и теперь печатать. Может быть, я еще здесь кое-что напечатаю, но, разумеется, в очень скромных рамках, — почти в таких, в каких издавали мы «Былое» в 1906 г. Впрочем, я этого еще не решил, так как издания здесь не окупают даже бумагу и расходятся в 800—1 000 экземпляров, да и то, главным образом, среди своей публики.

Если будете эти месяцы за границей, то дайте знать, и мы повидаемся. Мой адрес, выставленный выше, постоянный; он действителен, если даже я уеду. Но я долго еще никуда не уеду.

Жду вашего ответа *Влад. Бурцев.*

Если будете писать, то пишите заказными письмами.

В том (1907) г. от вас не было писем. Не было и статей, вроде той, [которую] вы поместили когда-то в «Вест. Евр.» [3]). Статей таких, как в «Гражд.», я не считаю; они не нужны ни нам, ни вам. Другое дело, статьи вроде той, что была в «В. Евр.», — эти статьи нужны. Вы, может быть, скажете, что во мне говорит исторический пьяница, который вне истории ничего не видит и только о ней и говорит. Да! Но когда я думаю о людях, подобных вам, я все задаю себе вопрос, — неужели они не хотят быть этими пьяницами? Неужели они думают, что в жизни может быть что-нибудь выше, как быть такими пьяницами?!. О вас и вам по-

добных людях я невольно всегда повторяю: «И нос у них есть, и табак есть, а нюхать не умеют».

Эх! Эх!..

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Все перечисленные Бурцевым записки были составлены известным ренегатом Л. А. Тихомировым. Зубатов размножил их литографским путем в охранном отделении. Записку «Значение 19 февраля 1902 г. для московских рабочих» и «Проект устава общества рабочих механического производства г. Москвы» Бурцев опубликовал в № 14 заграничного «Былого» за 1912 г. Записка о профессиональных организациях рабочих опубликована в приложении к книге А. Морского «Зубатовщина», М. 1913 г.

2) О литературной деятельности Слепова см. выше, в комментариях к его стихотворению «Контр-мина».

3) О статье Зубатова в «Вестнике Европы» см. выше, в примечаниях к письму Зубатова от 27 ноября 1906 г.

XIV.

5 марта 1908 г.

ПИСЬМО С. В. ЗУБАТОВА.

Простите, что не ответил на ваше последнее письмо, В. Л. Опасаясь быть сочтенным за круглого невежу, спешу дать требуемые разъяснения.

Перечисленные вами документы принадлежат перу Л. А. Тихомирова, а подлинники были переданы им в дар рабочим, которым и были мною воспроизведены на множительных аппаратах. По поводу «Проекта устава» я перезнакомил Л. А. с Д. Ф. Треповым, с которым он и вел уже затем сношения самостоятельно. Ко Л. А. я вынужден был обратиться за помощью тотчас же, как только обнаружилось, что большие книги по рабочему профессиональному движению рабочие читают плохо и нуждаются в популярном и кратком изложении дела. Принял меня Л. А. весьма нерадушно: мое служебное

положение его крайне шокировало. Но видя, что я его заинтересовал и как будто указал ему нечто новое, назвав Бернштейна и только что тогда вышедших авторов по профессиональному рабочему движению (Рузье, Вигуру, Геркнер, Метен, Зомбарт и др.), я претерпел в интересах дела неприятное чувство при сношении с ним и после нескольких свиданий сдал ему рабочих, а его самого — Трепову. В результате его сношений с рабочими и появились эти записки. Сами рабочие пролезли к И. И. Янжулу [1]), он их направил к И. Х. Озерову, а тот познакомил их с Деном (любимцем рабочих), Вормсом, проф. Виноградовым и др. [2]). Я все время держался в стороне, оберегая одной рукой рабочих от бестактности, а другой — примиряя Трепова с находимой ими интеллигенции. В этом и вся моя провокация! В желании свести воедино рабочих, администрацию и интеллигенцию! Последняя имела дело непосредственно с Треповым и меня вовсе не знала. Когда моя закулисная роль обнаружилась, чудаки перепугались ужасно, и тут-то каждый на свой фасон начал объяснять мое таинственное поведение. А ларчик просто открывался: шкура от всех беспорядков трещала прежде всего моя, а потом и Трепова. Оберегая ее (от алтынников), пришлось добраться до корней и спасаться, auf seiner façon, роясь не только в непосредственном, но и в косвенном, в действительности бывшем самым непосредственным, даже со шкурной точки зрения. [Там средства были ясные и привычные, но не гарантирующие вполне шкуры, здесь же все ново и необычно. Но уж назвался груздем, полезай в кузов] *).

Теперь о 19 февраля [3]). Методы сопротивления, привитые рабочим, сделали последних в глазах общества

*) В квадратных скобках — зачеркнутое автором. *Б. К.*

«чудовищем обло, стозевно и лаяй». Как же вступать власти (или фабриканту) с таким субъектом в договорные отношения? Надо было доказать, что это не так и дать ослу *) предметный урок. День 19 февраля представлялся для сего очень подходящим. Как Д. Ф. ни верил в возможность мирного исхода этого дня, а все же не мог избежать искушения — скрыть поблизости казаков. Когда же оказалось, что 50-тысячная толпа вела себя как дисциплинированное полчище солдат, и треповская перчатка играла роль волшебной палочки, причем при всем одушевлении толпы линия не была прорвана и не произошло ни малейшего беспорядка или замешательства, вернувшийся Трепов со слезами на глазах и дрожью в голосе говорил, как всем этим был поражен и обрадован великий князь, да и он сам. Возможность мирных сношений с земским элементом получила в этот день блистательное доказательство! Но... оказались трещины в другом месте: забыли о самолюбии фабрикантов (их не предупредили), что совсем упустили из виду за исключительною важностью предстоящего. Пошли колкости, жалобы, недовольства с этой стороны, получившей в Петербурге наибольшее из всех значение. Записка об этом дне была написана также Л. А. Тихомировым. Была ли она напечатана в «Моск. Вед.» — не помню.

Вообще главною точкою преткновения в легализации рабочего движения был вопрос: а не падет ли эта организация на голову самого же правительства. Долго колебавшийся Трепов, наконец, воскликнул: «Ну, да штыков у нас хватит! Будем делать, как велят наши совесть и разум».

Я кроме «В. Евр.» и «Гр.» нигде никогда не писал. Слепов писал в «Моск. Вед.», «Дружеских Речах»,

*) В заграничном «Былом»: «ему». *Б. К.*

«Русском Деле» и в последнее время был ответственным редактором в «Вече». Отчеты о заседаниях рабочих печатались в «Русск. Ведомостях» и «Торг.-Пром. Газете», а потом в «Моск. Вед.».

У меня материалов по этому делу менее, чем у кого бы ни было. Вероятно, они имеются у рабочих, с которыми ныне я никаких связей не поддерживаю.

[Желаю вам всяких успехов с новым органом, только пожалейте наши монархические чувства и не пишите в грубом, злобном, оскорбительном тоне. Это будет даже для вас практичнее] *).

Ваш *С. Зубатов.*

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Янжул, Иван Иванович, известный экономист, в середине 90-х годов был фабричным инспектором в Москве.

2) Озеров, Иван Христофорович, Ден, Владимир Эдуардович, Вормс, Альфонс Эрнестович, и Виноградов, Павел Гаврилович, в то время профессора и приват-доценты Московского университета, читали лекции для рабочих в зубатовских организациях.

3) 19 февраля 1902 г. зубатовскими организациями в Москве было устроено торжественное молебствие у памятника Александра II в Москве, на котором присутствовало до 40—50 тысяч рабочих.

XV.

ПИСЬМО В. Л. БУРЦЕВА.

[15 марта 1908 г.]

Очень вам благодарен, Сергей Васильевич, за ответ; не получивши от вас писем в ответ на свои два последние письма, я не знал, что думать об этом молчании. Мы с вами принадлежим к двум различным мирам. Вы

*) Заключенное в квадратные скобки — зачеркнуто автором письма.
Б. К.

теперь живете в стороне от всего, — живете анахоретом. Я, если и раньше обеими ногами стоял в области чистой истории, то теперь зарылся в ней с головой. Для меня люди теперь делятся на два лагеря: интересных и неинтересных для меня лиц. Я вожусь с теми, кто «интересен» мне, кто может что-нибудь мне рассказать о «былом» революционного, оппозиционного и реакционного мира, — я вожусь с анархистами, с.-р., с.-д., к.-д., октябристами, сотрудниками «Моск. Вед.», шпионом, состоящим на службе, с чиновником на службе, студентом, купцом, рабочим и т. д.; — повторяю, мне все равно, с кем я вожусь, но не безразлично: «интересен» он, или нет.

С «неинтересным» с.-р. я скучаю, — его переписка меня не интересует, а переписка с вами меня очень интересует, и когда я приеду в Россию, я напишу вам и постараюсь с вами поговорить лично о том, что меня так захватывает — о «былом». Если вы будете за границей — отыщите меня. Если сюда приедет интересный субъект (мне все равно кто), прошу вас дать ему ко мне рекомендательное письмо. Предупреждаю: меня занимает одно: история — и на современные темы я говорю очень неохотно, — это не моя специальность! Пока мы увидимся, прошу вас писать мне о «былом». У вас есть «Былое» за 1906—1907 гг. Напишите комментарий к нему, т. е. выставьте страницу и номер журнала и пишите свои замечания. Это работа простая, она не потребует от вас много времени. Не нужны фолианты, — достаточно несколько строк, как бы примечания. Вам не надо делать цитат — «Былое» у меня есть. Не надо ни введения, ни заключения и так далее. Я хочу знать ваше мнение, хочу познакомиться с вашими сведениями, — вот для чего надо мне ваши краткие заметки.

Кроме «Былого» вы можете дать такого рода комментарий к отдельным брошюрам, отдельным номерам других журналов.

За всякого рода документ о «былом» буду очень признателен.

Еще раз прошу вас позаботиться об истории, — пишите воспоминания, пишите краткие замечания на статьи различных авторов, собирайте материал. Вот мои просьбы к вам и ко всем русским людям вообще.

Вл. Бурцев.

ПРИМЕЧАНИЕ.

Письмо датировано на основании имеющейся на нем отметки Зубатова о получении: «Здесь, 21 марта 1908 г.».

XVI.

ПИСЬМО С. В. ЗУБАТОВА.

21 марта 1908 г.

Нет, Владимир Львович, вам не поднять меня из моей берлоги. Вы не хотите подумать [(а может быть вам надобности в этом вовсе в голову не приходит)] *) и понять мою психологию. Я — монархист самобытный, на свой салтык и потому глубоко верующий. Ныне идея чистой монархии переживает серьезный кризис. Понятно, эта драма отзывается на всем моем существе; я переживаю ее с внутренней дрожью. Я защищал горячо эту идею на практике. [Но, повторяю, я своеобразен в своих взглядах и очень щепетилен] *). Я готов иссохнуть по ней, сгинуть вместе с нею, но только одиночкой, в своих четырех владимирских стенах, но отнюдь не на людях. А вы меня тянете на люди. Правда, знакомство наше (бумажное) завязалось из-за моего опровержения на

*) В квадратных скобках — зачеркнутое автором.

статью в «Былом». Но и это опровержение было написано больше и даже единственно по настоянию жены, оскорбившейся на Гоца. Но опровержение помещено своевременно не было, а теперь в нем и надобность миновала, и я вас очень теперь прошу не печатать меня, не выводить на люди, хотя последние мои заметки в «Гражданине» появились опять-таки по настоянию (уже новому) князя [1]), но и там я появляться впредь не намерен после статьи в «Русск. Знамени» «Зубатовщина как особый вид анархизма» [2]). Как видите, я себя чувствую совершенно одиноким и против рожна переть не намерен, да и не вижу надобности при сложившемся у меня взгляде на людей. Будь — что будет. Я буду смотреть и ждать. Нет, В. Л., не оживите меня, сколько ни старайтесь.

Вы, вероятно, подметили, что я в своих письмах к вам ограничивался строго личною стороною дела и, если касался рабочих дел, то только потому, что считаю весь этот эпизод своим личным делом.

В силу этого писать заметки или воспоминания по моей службе вообще я не считал и не считаю себя вправе. Мало того, агентурный вопрос (шпионский — по терминологии других) для меня святое святых, а его так легко задеть (и при этом кого-нибудь этим изобидеть) в своих воспоминаниях. Для меня сношения с агентурой — самое радостное и милое воспоминание. Больное и трудное это дело, но как же при этом оно и нежно.

Итак, чтобы итти с вами нога в ногу, надо радоваться погибели того, чем я болею, раскрывать то (агентуру), чему я молюсь. Я же — человек русский, полумер не знаю. Если что делаю, так то и люблю и увлекаюсь им ото всей души, и уж если что не по-моему, лучше сдохну, сморю себя в одиночке, а разводить розовой

водицей не стану. Как видите, при таких условиях ваши предложения не подходящи. Вы же лично, конечно, очень интересный субъект по вашей энергии, бывалости, жизнерадостности и широте взглядов. Если бы не это, я бы, несомненно, и не отвечал на ваши письма.

Ну, а теперь бросим и это и разойдемся.

[Поймите и не терзайте меня своими призывами] *).

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Статьи Зубатова в «Гражданине» указаны выше — во вступительной статье.

2) В органе Союза русского народа «Русское Знамя» в № 192 от 2 сентября 1907 г. была напечатана анонимная статья «Зубатовщина как особый вид анархизма». Статья эта представляет интерес с точки зрения отношения крайне правых кругов к Зубатову и его политике. Рассматривая зубатовщину, как проведение в жизнь принципа: чем хуже, тем лучше, — автор статьи указывал на опасность для монархии политики Зубатова, который, по мнению автора статьи, делал то же самое дело, что и революционеры, только при помощи иных средств.

«Зубатовщина или, вернее, ее идея смешения света со тьмою, добра со злом, закона с беззаконием, при общем правиле — делать пользу посредством вреда и выгод текущего момента — может сказать про себя, что она стара, как мир. Более ярко эта идея впервые обозначилась в IV веке в учении дамасского жида Симона Иухая, провозгласившего, что для пользы дома Израилева можно принимать какие угодно веры лишь бы всегда еврей оставался евреем». Проведение принципа: цель оправдывает средства — автор статьи находит у Каракозова, Нечаева, Судейкина, Дегаева и у более поздних «гениев с волчьими зубами и лисьими хвостами». «Первым выступил жрец нечаевщины — С. Ю. Витте, который, будучи споспешествуем артистами по выгонке золота из человеческого мяса, понаделал на всех путях к обогащению заставы из жидовских соглядатаев, забрал в свои загребистые лапы все и тем самым упорядочил бюрократическую возню около добычи, а

*) В квадратных скобках — зачеркнутое автором письма. *Б. К.*

себя сделал хозяином бюрократической псарни». Первым из уверовавших в спасительность заповедей Витте был, по мнению автора статьи, Зубатов. «Зубатов!.. Даже имя-то такое выплыло на сцену, что одним звуком своим напоминало голос с эшафота шестидесятых годов». Зубатов завел систему конспирации и провокации. «В руках зубатовской знахарской кухни появились огромные кредиты на распространение здравых понятий в России. Посыпались на вырубленную и ощипанную Россию книжки, картинки, воззвания с патриотическим пересолом, за которые живо ухватились неусыпные нечаевские инстинкты, как за орудия пропаганды «посредством надоедания патриотизмом до тошноты». С другой же стороны, посыпались законы усмотрения по методе Зубатова, из которых в короткое время составился «катехизис допекания». Этот катехизис Зубатова представляет собою регламентированное наставление Нечаева: одевайся чиновником и зверствуй, чтобы росла ненависть к чиновникам и к тому, что над ними. А так как в политической жизни «угол падения равен углу отражения», то усердием Зубатова и его усмотрительно-допекательной политики воспрянули и закипели революционные инстинкты. Тогда, чтобы превратить «предметное» неудовольствие общества в «беспредметное», т. е. чтобы заставить общество перенести неудовольствие с системы государственного строя на основную идею этого строя, Зубатов произвел над бюрократической машиной ловкую операцию. Сословное самочувствие было повышено, пропасти между сословиями были расширены, а в деревню выпустили целую орду вырожденцев, упадочников, неудачников в лице земских и крестьянских начальников из прогнанных офицеров и Митрофанов Простаковых, а также во образе фабричных и податных инспекторов и акцизных чиновников, набиравшихся в большинстве из поляков. С чрезвычайными же посланниками «высшей государственной совести» в губерниях, т. е. с корпусом жандармов, Зубатов проделал еще хуже, чем с деревнею. По его инициативе, расплодились по России охранные отделения, причем губернским жандармским генералам и полковникам было вменено в обязанность шагу не делать без разрешения ротмистров, штаб-ротмистров, поручиков и чиновников, поставленных во главе «охранок». Такое явное уродование иерархии и порядка подчиненности Зубатов усугубил еще тем, что и предержащие в губерниях охранные поручики тоже оказались связанные по рукам и по ногам. Их филеры (сыщики) набирались по усмотрению приспешника Зубатова, бывшего городового московской полиции Евстрата Медникова (он же Серебряков), а

тон деятельности охранникам задавал ставленник Зубатова Мовша Сендеров Гоц. Сей международный еврей с благословения директора департамента полиции А. А. Лопухина был наименован «напрокат» Михаилом Ивановичем Гуровичем *). Так как Лопухин в руках Зубатова и Медникова служил «каучуковым штемпелем», то еврей Гурович катался по России с именем «инспектора охранных отделений» и хозяйствовал так, что только сотый рубль уходил на охрану, а 99 расплывались по карманам». При таких условиях «вся деятельность охранок свелась к писанию дневников и проследок за политическими мелкими сошками», да к изъятию «пискарей крамолы в виде жалких мальчишек и девчонок», которым «подсовывали через провокаторов нелегальщинку, а потом хватали с нею, причем расходы по раскрытию каждого дела о поимке, обходившегося при провокаторской системе «подсовывания» не дороже двух двугривенных, выписывались по книгам суммами по размерам совести».

«Да будет же всем известно, — заканчивает автор свою статью, — что зубатовщина есть насаждение социализма в народе за счет св. церкви и государства и под их именем... Была каракозовщина, была нечаевщина, была дегаевщина, была виттевщина, была зубатовщина, нарождалась гапоновщина, народилась милюковщина-жидовщина».

XVII.

ПИСЬМО В. Л. БУРЦЕВА.

15 августа 1908 г.

Нет, — не могу удержаться, чтобы не послать вам объявление о вышедшем моем журнале [1]). Не моя вина, что вы не возьметесь за перо и не отзоветесь на мою просьбу. Я был бы виноват, если бы не предлагал вам и не стучался в вашу дверь. Я потом с спокойной совестью расскажу, что я сделал во-время все, чтобы убедить вас выглянуть из стана «обагряющих руки в крови» и поработать с нами над нашим общим делом.

---

*) На счет Гуровича сведения автора статьи не отличаются точностью: его настоящая фамилия была Гуревич, а не Гоц. *Б. К.*

Я к вам обращался все время с чистой душой, от чистого сердца, говорил без обиняков, говорил от имени того, что я люблю больше своей жизни. Я ведь до сих пор не могу понять, как вы не понимаете, что необходимо откликнуться вам и в силу общих интересов (вы, конечно, глубоко сами презираете и Трусевичей, и Гершельманов)[2]), и во имя личных ваших интересов. Повидайся я с вами ¼ часа, я бы это вам объяснил.

Разумеется, если вы будете за границей, не преминете повидаться со мной: нам есть о чем поговорить. Если кто из ваших старых знакомых с чистой душой захочет повидать меня, — пусть без всяких рекомендаций идет на 11, rue du Lunain.

Пока я не поставлю дел «Былого» на прочную ногу, я не уеду в Питер, — так что до весны, наверное, пробуду здесь.

Еще раз, пишите свои воспоминания! Вы можете дать нам драгоценнейшие вещи — более интересные, чем дает теперь Бакай[3]), а он дал чудные вещи и даст еще лучше. История ему простит все, — а я его примирю вполне с деятелями освободительного движения.

Хотел бы написать: до свидания:

Вл. Бурцев.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Заграничное «Былое», начавшее выходить в 1908 г. в Париже.

2) Трусевич, Максимилиан Иванович, директор департамента полиции с 13 июня 1906 г. по 9 марта 1909 г. Гершельман, Дмитрий Константинович, в то время московский генерал-губернатор, позднее начальник штаба отдельного корпуса жандармов.

3) Бакай, Михаил Ефимович, известный провокатор и охранник, ставший разоблачителем тайн охранки. Бакай, фельдшер

в Екатеринославе, принимал участие в местных революционных организациях. В мае 1902 г. был арестован и стал сотрудником охранного отделения. В декабре того же года поступил на службу в департамент полиции. В августе 1903 г. перешел на службу в Варшавское охранное отделение. В мае 1906 г. Бакай вступил в сношения с Бурцевым и передал ему ряд документов, характеризующих деятельность охранки. В конце того же года вышел в отставку. 1 апреля 1907 г. Бакай был арестован по обвинению в выдаче служебных тайн и сослан на 3 года в Обдорск. В декабре того же года бежал за границу и начал опубликовывать свои воспоминания о постановке политического розыска. Одновременно с этим опубликовал список шпионов и провокаторов (свыше 135 имен) и дал Бурцеву первоначальные сведения о провокаторстве Азефа (см. «Краткую автобиографию М. Е. Бакая», опубликованную Р. М. Кантором в 5-й книжке сборников «Русское Прошлое», Петроград, 1923 г.).

XVIII.

ПИСЬМО В. Л. БУРЦЕВА.

[Конец 1908 или начало 1909 г.] [1])

От вас, Сергей Васильевич, не было ни писем, ни рукописей, а вы сами не заехали ко мне. Неужели вы думаете, что вы должны молчать. Неужели вы не пришли к тому заключению, что вы должны писать также свои воспоминания, как это делает теперь М. Е. Бакай? *) Путь Бакая обязателен для всех вас, кто мог широко посмотреть на дело, а вы смогли,— в душе вы презираете тех негодяев, которые упорно преследуют реакционную политику и упорно не понимают, что им осталось жить и благоденствовать год — два.

Не хочу верить, чтобы вы не хотели ответить мне по... **) совести.

*) На полях против этого места Зубатов синим карандашем поставил: !

**) Неразобрано одно слово.

Не посылаю вам 7 и 8 №№ [2]), потому что не знаю, как послать.

Влад. Бурцев.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Письмо датируется приблизительно. Оно написано на бланке заграничного «Былого».

2) Заграничного «Былого».

XIX.

ПИСЬМО В. Л. БУРЦЕВА.

[Начало мая 1909 г.] [1])

Прочитал, Сергей Васильевич, сегодня в газетах ваши показания [2]) и... негодую, сожалею безмерно, — отчего вы не приехали ко мне в Финляндию в 1907 г., в Париж в 1908 г., когда меня мучил вопрос об этом мерзавце Евно... Я писал вам, кажется, ясно.

Ваши показания чудные! пишите в том же духе. А еще лучше — приезжайте сюда и мы поговорим вволю, с толком, — так что в истории о нашем разговоре будут большие разговоры. Хорошо? Писать мне можно только заказными письмами, а еще лучше с попутчиками или заказными из-за границы.

Мой адрес: V. Bourtzeff, 11, rue Lunain (XIV ap) Paris (можно писать и заказными письмами — просто «Le Passé» r. d. Lunain).

Буду ждать, когда вы одумаетесь: вы в частности, и «вы» все вообще. Жду! Жду! Жду!

Влад. Бурцев.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Дата определяется на основании имеющейся на письме отметки Зубатова о получении: «28 мая 1909 г.» и времени слушания дела А. А. Лопухина, о чем упоминается в письме.

2) Бурцев имеет в виду показания, данные Зубатовым 28 апреля 1909 г. на процессе А. А. Лопухина, в которых Зубатов рассказал о службе Азефа в охранке. Смотри Дело А. А. Лопухина в особом присутствии правительствующего сената. Стенографический отчет. Спб., 1910 г.

XX.

ПИСЬМО В. Л. БУРЦЕВА.

20 октября 1910 г.

Давно не писал вам, Сергей Васильевич.

Теперь у нас будут богатые сведения о вашей деятельности [1], — а так же о Зин. Фед. Жученко [2], Каплинском [3] и т. д.

Пишете ли вы свои воспоминания? Думаете ли вы поделиться с нами?

Пора! — пишите, а то о вас говорится теперь много, а будет говориться еще более. Мне хотелось бы и ваш голос слышать при чтении этих материалов.

Неужели вы глухи к тому, что будут теперь говорить о вас? А вы могли бы много рассказать, даже и после того, что мы знаем и от Бакая, и от Меньщикова и других.

Мне хотелось знать ваш взгляд на Азефа, — и вашу критику моих сведений и моего взгляда на него!

Кроме того, вы ведь знаете многое и о представителях высшей администрации: о Дурново, Столыпине, Витте, Горемыкине, Рачковском...

Повторяю вам старую свою просьбу: пишите, пишите, пишите...

Напишите нам подробно о так наз. «зубатовцах», о Шаевиче, Вильбушевич [4] и т. д.

Буду ждать от вас письма.

Влад. Бурцев.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) От сотрудника Зубатова по Московскому охранному отделению и департаменту полиции Л. П. Меньщикова, приехавшего в это время в Париж и начавшего свои разоблачения.

2) Жученко, Зинаида Федоровна (урожд. Гернгросс),—видный провокатор. В 1895 г. выдала Зубатову террористический кружок Распутина. В 1903—1905 г., проживая за границей, работала по политическому розыску. С осени 1905 г. жила в Москве, входила в местную организацию эсеров, была секретарем областного комитета и одновременно с этим служила агентом в Московском охранном отделении. В 1909 г. Жученко была разоблачена Бурцевым по указаниям, полученным им от Л. П. Меньщикова.

3) Каплинский, Израэль Михель, крупный провокатор-бундовец. Завербован в агенты Зубатовым в конце 90-х годов. После этого играл большую роль в «Бунде», являясь агентом ЦК. Каплинский был разоблачен Л. П. Меньщиковым. О Каплинском см. статью В. Левицкого «Из галлереи провокаторов», «Историко-революционный вестник», 1922 г., № 1.

4) О Шаевиче см. выше, в примечаниях к письму Бурцева от 8 декабря 1906 г. — Вильбушевич, Мария, — одна из основательниц «Еврейской независимой рабочей партии», искренно верившая, что Зубатов — «великий двигатель рабочего движения». О ней см. Д. Заславский. «Зубатов и Маня Вильбушевич», М., 1923 г.

XXI.

ПИСЬМО В. Л. БУРЦЕВА.

31 августа 1912 г.

Давно от вас не имел писем, Сергей Васильевич. Думаю, что в сравнительно скором будущем поеду на родину — как-то она меня встретит? Еду открыто — буду искать правды.

Я ее найду!..

Я убежден в этом.

Исполнили вы мою просьбу — писать, писать, писать...

Хотел бы я написанное вами прочесть здесь, а не «там» в России и не предоставить это только другим.

Читали о моей встрече с Аз[ефом]?

Как написать мне и прислать написанное, вы можете: «бывалый вы человек» и «не маленький»...

В крайнем случае пошлите заказным письмом по адресу: Redaction du journal «Le Matin», 6, Bd Poisonière, 6, Paris (Garr). А внутри: для передачи Mr Wl. Bourtzeff, 50, Bd St Iacgues (XIV arr.).

Буду ждать от вас писем.

Влад. Бурцев.

ПРИМЕЧАНИЕ.

Летом 1912 г. Бурцеву удалось узнать адрес Азефа. Оказалось, что он живет в Германии, во Франкфурте-на-Майне. Тогда Бурцев послал Азефу письмо с предложением свидания для того, чтобы «вполне осветить» дело Азефа. «Заявляю вам, — писал Бурцев, — что я желаю видеть вас лишь по своей собственной инициативе, только лишь в качестве историка и публициста, и у меня нет другого желания, как только узнать всю правду. Само собою разумеется, что я не расставляю вам никакой ловушки». В ответ на это Бурцев получил от Азефа письмо с согласием на свидание: «Ваше предложение принято, — писал Азеф. — Оно согласуется с моим собственным давнишним желанием вполне выяснить мое дело». Свидание состоялось 15 августа, когда Бурцев приехал во Франкфурт. Азеф заявил, что он стремится раскрыть всю правду, дабы реабилитировать свое имя. «Я хочу, — говорил он, — чтобы мои товарищи, мои прежние товарищи, судили меня. Я никогда не был охранником. Я всегда презирал и ненавидел это ремесло. Все, что я делал, я делал для революции». И затем Азеф рассказал Бурцеву всю свою жизнь, стараясь представить дело так, что он всегда обманывал правительство. «Я хочу, — сказал Азеф в заключение, — чтобы меня судили. Я хочу этого ради своих детей. И я заранее преклоняюсь перед приговором, каков бы он ни был. Если это будет смертный приговор, я сам приведу его над собой в исполнение» (см. рассказ Бурцева о свидании с Азефом в № 183 «Русского Слова» за 1912 г.).

XXII.

ПИСЬМО В. Л. БУРЦЕВА.

Лоскутная гостиница, Тверская ул., 5. Телеф. (до 10½ утра и 12 ч. почи и после) 3-67-00. Комн. 82.
4 февраля 1916 г.

Очень жаль, что вы, С. В., нашли невозможным повидаться со мной до сих пор.

Какие изменения произошли в русской жизни! Бурцев своим свиданием может компрометировать Зубатова! Tempora mutantur et nos in illis!.. Да!..

Жаль потому, что я скоро буду писать и о вас, и о том, что было вокруг вашего имени. В конце войны я начну издавать снова «Былое» по очень обширной программе.

Во всяком случае пошлю сегодня вам в этом же письме один документ, по поводу которого нужно бы было поговорить... хотя бы ввиду статьи М. Р. Гоца в «Был.» 1906 г.

Повторяю вам свою просьбу: пишите воспоминания. Вы обязаны отдать отчет о своей очень колоритной деятельности. О ней много будут говорить все, — я в том числе на стр. «Былого» (и вне его).

Я буду очень рад встретить вас всегда, когда вы найдете нужным это сделать. А поговорить есть о чем, хотя бы о покойном нашем общем знакомом Евно Азефе.

В ожидании этих разговоров остаюсь

Вл. Бурцев.

Из Москвы уеду утром в субботу.

ПРИМЕЧАНИЕ.

Это письмо было написано Бурцевым после разговора по телефону, который он вел с Зубатовым. «В 1916 г. — рассказывает Бурцев в своих воспоминаниях, — приехавши в Москву, я явился на квартиру к Зубатову, но не застал его дома. Видел, кажется, его сына и просил сказать ему, что хочу его повидать и буду ему телефонировать. Вечером я ему телефонировал. Зубатов мне ответил: «Поймите, Владимир Львович, что я видеться с вами не могу. Это опасно и для меня, и для вас» (Вл. Бурцев, «Борьба за свободную Россию», т. I, стр. 170).

XXIII.

Лоскутная гостиница, комн. № 96.
22 февраля 1916 г.

Вот я снова у вас, в Москве. Из сегодняшнего номера «Русск. Вед.» (22 февраля) вы видите, что я на 3—4 [месяца] еду в Париж [1]), чтобы привести в порядок и доставить сюда свой архив (часть его, конечно). Все готовлюсь к изданию «Былого».

Все для того же хотел бы поговорить с вами de omnibus rebus (в том числе и об нашем Евно) [2]). Мой телефон 3-67-00. (Можно меня застать до 10½ утра.) Мой петроградский адрес: Балабинская гостиница, Невский, 87/2, мне. Разумеется, если не считаете возможным мне ответить, мне только придется развести руками и пожаловаться нашей матушке истории.

Вл. Бурцев.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) В «Русских Ведомостях» была помещена заметка о том, что Бурцев приехал в Москву для занятий в Историческом музее, что он пробудет в Москве семь дней, а после этого рассчитывает поехать на некоторое время за границу.

2) Азеф.

ПИСЬМА И. Ф. МАНАСЕВИЧА-МАНУЙЛОВА.

Иван Федорович Манасевич-Мануйлов, известный авантюрист, родился в 1870 г., сын купца-еврея, по окончании реального училища состоял на службе по императорскому человеколюбивому обществу и сотрудничал в газете «Новости». В 1897 г. перешел на службу в министерство внутренних дел по департаменту духовных дел и был командирован в Рим к папскому двору для организации там секретного наблюдения. Во время русско-японской войны Мануйлов был переведен в Париж для подкупа французских журналистов и организации шпионажа. В Париже Мануйлов некоторое время издавал на деньги, отпущенные ему из личных средств Николая II, журнальчик «La Revue Russe», имевший своею задачею обработку французского общественного мнения в пользу России. В 1905 г., когда в департаменте полиции при Д. Ф. Трепове стал играть большую роль личный враг Мануйлова П. И. Рачковский, положение Мануйлова пошатнулось; он был отстранен от работы для департамента полиции и вызван в Петербург. Однако после октябрьских дней 1905 г. Мануйлов вновь вернулся к делам. По ходатайству его покровителя, известного редактора «Гражданина», кн. В. П. Мещерского, Витте причислил Мануйлова к своей канцелярии для выполнения «особого поручения». Этим «особым поручением» были переговоры, которые при посредстве Мануйлова Витте вел с Гапоном. В 1906 г. Мануйлов был уволен от службы и занялся литератур-

ной работой в «Новом Времени» (под псевдонимом «Маска») и различными темными аферами, до которых он всегда был большим охотником. В 1910 г. он был привлечен к следствию по обвинению в ряде мошенничеств, однако, из опасения, что Мануйлов на суде может выступить с неприятными для правительства разоблачениями, дело его было прекращено производством. Деятельность Мануйлова особенно развернулась в последние годы царского режима, когда он был чиновником при премьере Штюрмере и сподвижником Распутина, но эти годы не имеют для нас прямого интереса и потому говорить о них мы не будем (см. книжку К. Бецкого и П. Павлова «Русский Рокамболь. Приключения Манасевича-Мануйлова», изд. «Былое», Ленинград, 1925 г.). После Октябрьской революции Мануйлов был расстрелян при попытке скрыться за границу.

I.

Париж, 8/21. Декабрь. 1904 г.
66, Rue de Lisbonne.

Дорогой Сергей Васильевич,

Сегодня мне сообщили о пожаловании вам по высочайшему повелению пенсии [1]). Позвольте мне от всей души поздравить вас с монаршей милостью и с окончанием тяжелых испытаний, выпавших на вашу долю.

Как ваше здоровье и ваше душевное самочувствие. Сердечно меня обрадовали бы, если бы черкнули мне пару слов. С немалым удивлением я узнал об уходе Васи Зыбина [2]). Ну, и дела!.. Да... да... да...

Прошел слух, что меня вызывают в Петербург, но пока я ничего не получил из департамента по сему поводу.

Мои дела идут недурно, хоть после отъезда из Петербурга нашлись «доброжелатели», которые задумали против меня поход. Последний, впрочем, не удался. От «толстенького» имею одно письмо, а «организация», боясь себя скомпрометировать, не отвечает [3]). Обнимаю вас от всей души. Дай бог всего хорошего. Не забывайте меня.

Душевно ваш *И. Мануйлов.*

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) О пенсии, пожалованной Зубатову, см. выше в примечаниях к письму Войлошникова.

2) Василий Сергеевич Зыбин — чиновник особых поручений при департаменте полиции. О причинах его отставки имеется сле-

дующее сообщение в дневнике А. В. Богданович: «Оказалась на-днях ужасная вещь в департаменте полиции. Секретарь Зыбин взял взятку у жидов — бриллиантовое колье для своей любовницы, которая надела колье в театр. Зыбин был изгнан из департамента» (Дневник А. В. Богданович. «Три последних самодержавца», изд. Френкель, М. — П. 1924 г., стр. 316). Вскоре, однако, Зыбин вновь был принят на службу.

3) «Организация» — повидимому, департамент полиции; о ком говорится, как о «толстеньком», определить затрудняемся.

II.

Париж, 10/23 августа 1905 г.

Дорогой Сергей Васильевич,

Вам, вероятно, уже известно, что согласно предложения департамента я должен покинуть Париж и даже оставить департамент. Дело мое ликвидируется. Мне оставлено содержание до января месяца. Думаю быть в Петербурге через три недели или месяц. Я привык делиться с вами моими радостями, а потому на этот раз позвольте разделить печальную весть. Всего хорошего. Не забывайте меня.

Душевно ваш *И. Мануйлов.*

III.

Петербург, 31 октября 1905 г.

Дорогой Сергей Васильевич,

Спешу сообщить вам, что граф очень хочет вас видеть и потолковать с вами, а потому немедля берите поезд и приезжайте сюда. Пока инкогнито. Никому ни слова.

Ждем. Обнимаю, ваш *И. Мануйлов.*

ПРИМЕЧАНИЕ.

«Граф» — председатель совета министров граф С. Ю. Витте. Письмо интересно и как доказательство близости к Витте Мануйлова, исполнявшего секретные поручения премьера, и как свидетельство справедливости утверждения Зубатова, что Витте предлагал ему вернуться к активной деятельности. Ездил ли Зубатов в Петербург — неизвестно.

IV.

Петербург, 11 января 1907 г.

Спасибо вам, дорогой Сергей Васильевич, что не забываете меня. О ваших сношениях с «убийцами» вроде Бурцева, здесь уже давно говорят, и я не скрою, что этот пассаж меня немало удивил. Следовало бы вас сфотографировать во время беседы с Бурцевым, и я думаю, что фотография разошлась бы в большом количестве. Напишите, что из всего этого вышло. С нетерпением жду вашего письма в «Былом». Сказать вам, что здесь делается — трудно, так как в общем большая растерянность: все смотрят в будущее с трепетом душевным, и видимо оно не особенно радует своими хорошими днями. В обществе все та же гниль и критика без всякой созидательной работы. Положение министра и всего кабинета очень тяжелое, хотя П. А. С[толыпин], попрежнему, как слышно, верит в себя и в свою «звезду». В области сыска работают много, но результаты, как видите, неважные. Да и трудно что-либо сделать: революция пошла волной и приняла совсем иной характер. Вы спросите, что я делаю. Много и ничего. В общем, скучаю без настоящего дела, к которому, кажется, приспособлен. Все идет не так и жить тяжело. Думаю снова сотрудничать в «Нов. Вр.», но отвык немного от журнальной работы. Очень хотелось бы с вами повидаться и потолковать. Давно не

болтали, а ведь многое изменилось за это время. Напишите — очень буду благодарен. Крепко вас обнимаю.

Душевно ваш *И. М.*

ПРИМЕЧАНИЕ.

Переписка Зубатова с Бурцевым не была тайной для департамента полиции. Интересно отметить, что Мануйлов, удивлявшийся сношениям Зубатова с Бурцевым, впоследствии сам вступил в такие же сношения. Когда во время мировой войны Бурцев вернулся в Россию, Мануйлов в конце 1916 г., познакомившись с Бурцевым, сообщил ему ряд разоблачений. После Февральской революции Мануйлов сотрудничал в газете Бурцева «Общее Дело».

ПЕРЕПИСКА С. В. ЗУБАТОВА С Е. П. МЕДНИКОВЫМ.

Евстратий Павлович Медников — правая рука С. В. Зубатова. Той славой, которою Зубатов пользовался, как знаток розыскного дела, он во многом обязан Медникову. Несмотря на свою малограмотность и скромное служебное положение — Медников был старшим чиновником для поручений при Московском охранном отделении, когда им заведывал Зубатов, — Медников играл громадную роль в деле политического розыска. В круг обязанностей Медникова по занимаемой им должности входило заведывание агентами наружного наблюдения, — иначе говоря: филерами. В подборе филеров Медников проявил большой талант. Филеры, прошедшие его школу, ценились, как знатоки своего дела и люди, на которых можно вполне положиться.

А. И. Спиридович, товарищ Медникова по службе в Московском охранном отделении, так характеризует Медникова и его филеров:

«Медников был простой, малограмотный человек, старообрядец, служивший раньше полицейским надзирателем. Природный ум, сметка, хитрость, трудоспособность и настойчивость выдвинули его. Он понял филерство, как подряд на работу, прошел его горбом и скоро сделался нарядчиком, инструктором и контролером. Он создал в этом деле свою школу «Медниковскую» или, как говорили тогда «Евстраткину» школу. Свой для филеров, которые в большинстве были из солдат, он знал и понимал их хорошо, умел разговаривать,

ладить и управляться с ними» («Записки жандарма», изд. «Пролетарий», стр. 52).

Медников заведывал не только московскими филерами. В его ведении находился летучий отряд филеров департамента полиции, состоявший при Московском охранном отделении. Этот отряд разъезжал по всей России, разрабатывая агентурные сведения, поступавшие к Зубатову и в департамент полиции.

Когда Зубатов перевелся из Москвы в Петербург, он взял с собою и Медникова с его летучим отрядом. После отставки Зубатова Медников оставался на службе сравнительно недолго. В 1906 г. он вышел в отставку и занялся хозяйством в подмосковном имении, приобретенном им на средства, скопленные в годы службы.

Относившийся с усердием к своим служебным занятиям, Медников умел одновременно не забывать и своих интересов,—недаром в его руках была касса охранного отделения. «Под Москвой у него было «именьице с бычками, коровками и уточками, был и домик», было все. Рабочие руки были даровые, делай, что хочешь, свой человек — жена, хорошая, простая женщина, вела хозяйство» (Спиридович, назв. соч., стр. 56).

Из печатаемых ниже писем Медникова только два первых относятся к тому времени, когда он был еще на службе; остальные написаны им уже по отставке. Воспроизводя эти письма, мы сохраняем наиболее характерные особенности орфографии подлинника. Без них— без этих «бомбов» и «убийствов»—образ великолепного Евстратия был бы неполон.

Из писем Зубатова к Медникову мы имеем возможность дать лишь одно, черновик которого сохранился в архиве Зубатова.

———

ПИСЬМА Е. П. МЕДНИКОВА.

30 июня 1905 г.

I.

Дорогой мой,

Что творится на белом свете, уму не постежимо. Нужно иметь терпенье, чтобы, не закрывая глаза, смотреть, видеть и молчать, молчать. Кажется весь свет пошол кругом: вертиться и вертиться. Каждый божий день по несколько убийствов, то бомбой, то из револьверов, то ножом и всякими орудиями; бьют и бьют, чем попало и кого попало; за что то и Шувалова [1]), ну, кому он что сделал дурного, никто этого не скажет. Так теперь свободно все стачки проходят и никаких арестов и в помине нет, а терористы палят и палят. С февраля заарестованы денамитные для бомбов мастерские: [в] Варшаве, Риге, Киеве, а [в] Одессе — три мастерские, [в] Петербурге — три то же мастерские с громадным числом бомб, одна около десяти, а вторая 230 бомб, — как тебе нравится? — [В] Баку более ста, вчера [в] Тифлисе 28 готовых взято, а [в] лаборатории более 7 пудов динамита. В Польше украдено динам[ита] около 7 пуд. У.......*) в Перми 4 пуда 20 фунт. Какая пропасть взята револьверов всяких систем в тысячах штук. Этим перешло всякие границы. Надо удивляться, как еще не всех перестреляли нас,

---

*) Одно слово неразобрано. *Б. К.*

но в скором времени нас пойдут лупить во всю. Уже филеры стали трусить; кое-кто просятся отпустить их в отставку; некоторых уже не мог удерживать и отпустил. В особенности отразилось на филерах [в] Киеве, Нижнем-Новгороде и Одессе — все выстрелы происходили у них на глазах — сильное смущение. Я думаю, скоро нельзя будет иметь хорошего филера ни за какие деньги и останутся только гнилье. А истории с «Потемкиным», «Георгием Победоносцем» и «Прут»! Боже ты мой, всюду пропаганда, до офицеров включительно! 900 человек сделали дезертиров, кои останутся в Румынии [2]) и каждый могут явится в Одессу — сила громадная; кассу судовую — 750 000 — поделили матросы и пошли в Румынию. Хорошо «Гражданин» [3]) пробирает, но и 29[-го июня] Александров и 30[-го] Сыромятников в «Слове» [4]) хорошо коментируют.

Положение, созданное для революционеров, самое солидное. Теперь не разберешь, кто Голицын, Трубецкой [5]) — монархисты или анархисты.

С назначением Дмитрия Федоровича [6]) генерал-губернатором Алексея Александровича [7]) выжили и выбросили его в губернаторство, главное помогали благодетели и друзья А. А. Михаил Иванович [8]) и Петр Иванович [9]), да Сергей Эрастович [10]) помог им за кампанию. Назначили нового директора Коваленского, которого стали сажать на 1-е, 2-е, 6-е делопроизводства и честь директора ему хотели сохранить, но тут Петру [11]) невыгодно стало, конечно, и Коваленского слопыли в сенат, который хотел Дмитрию Федоровичу доказать диление департамента не целесообразно и незаконно, но Дмитрий Федорыч сказал ему, что он уже решил с государем так. Если вам не нравится, то можете итти в сенат, ну конечно и согласился, и Коваленского не стало [12]). Теперь Петр Иванович исполняет

должность директора и уже бьет набат, что бы дележа департамента не было, а целиком бы сохранен в целости; значит, своя рубаха ближе к телу, ну, конечно, дело на заднем плане, а главное своя политика, т. е. поменьше дела, побольше слов. Отделения наши самоличность конечно изменили, пошли на доверие и конечно наколачевые (sic!) карманов. Мне кажется, П. И. не агентурный человек, мало он понимает эту отрасль, интрига конечно на первом месте у него процветает. При первом моем деле я остался на бобах, т. е. представление меня в статские лопнуло через Петра, так как ему захотелось быть героем; оно так и вышло — он в Царском герой, а остальным кое-кому денег, даже Мих. Ив. и то денег дали и опять украдкой не официально, чтобы ни кто не знал, а то ему помешает это; ну, такая политика его далеко не уведет. Вот Тржцяка [13]) поставили в Москву, ну второй высокопоставленный сановник на тот свет и попал [14]). Эх, кабы побеседывать. Я бы тебе наговорил четыре короба, но не умею я на бумаге излагать, только рвусь вон без оглядки, надоел я им с своей отставкой, они меня не отпускают, боясь за филеров: все убегут, ну и пугают меня.

А Дмитрий Федорович сильно под влиянием Петра Ивановича, а последний ему все сучит, то тот, то другой хочет видеть Д. Фед., а последний мякнет от удовольствия; — да, Петра Ивановича вывезли эти большие знакомства. Бог им судья, только и ругают одних губернаторов да начальников управлений, но от этого толку мало, только одна злоба и сплетня. Все дают кличку Д. Ф. временщик, а он никак не может выйти из дома прогуляться, сидит по 5 дней, не показываясь на свет божий. Вот оно что! Вот вам и П. И., который хочет отделении подчинить начальникам управления [15]), а самим ручки потирать от удовольствия, все свалить

на губернаторов и на начальников управления, то то директору департамента полиции хорошо получать буд[ет] 20 тысяч и не зачто не отвечает. Как это вам нравится? А брату Петру хорошо — вот дипломатия то! Хотел Д. Фед. иметь хорошо политически воспитанного, но кажется наткнулся на дипломатически воспитанного, а дальше разбивают все то, что было сделано. Страшно мне жаль Дмитрия Федоровича и хотел все это доложить, но никак к нему не попаду, хотел написать о вызове меня к нему, а потом решил, что при уходе моем я к нему пойду официально и доложу подробно, но больше служить не останусь, а задерживаюсь я потому чтобы не имели почвы меня обвинять: я бросил и ушел. Я прошусь, чтобы меня они уволили, я с этим обращался и к П. Иван. и к Макарову [16]), но еще крепятся и не говорят: уходите. Вчера Мих. Ив. проводили на Кавказ [17]), сегодня Григ. Михаил. [18]) уезжает, а завтра Квицынский [19]) едет из Москвы. Виноградов [20]) выехал туда же. Мих. Иван. очень счастливо набрал себе людей, вот посмотрим что-то он там буде робить самостоятельно. Григория Михайловича порасспроси хорошенько о наших делах. Департамент зарылся в бумагах. Целую крепко, крепко моего дорогого Сережу [21]).

Всегда преданный вам *Е. Медников.*

Александре Николаевне [22]) целую ручки.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Шувалов граф, Павел Павлович, московский градоначальник, был убит в Москве 28 июня 1905 г. членом боевой организации партии социалистов-революционеров П. Куликовским.

2) Автор имеет в виду матросов броненосца «Потемкин», высадившихся в Румынии.

3) По поводу восстания «Потемкина», кн. В. П. Мещерский писал в «Гражданине»: «Еще семь дней назад всякий русский, когда произносились слова: черноморский флот, с гордостью им внимал, как святым звукам. Отныне звук этих двух слов будет годы бить по щекам каждого русского» («Дневник» Мещерского, в № 49 «Гражданина» за 1905 г.).

4) «Слово» — ежедневная газета правого направления, выходившая в Петербурге в 1905 г. За отсутствием в московских библиотеках комплекта этой газеты нам не удалось установить, какие именно статьи Александрова и Сыромятникова имеет в виду Медников.

5) Князь Трубецкой, Сергей Николаевич (1862—1905 гг.), профессор Московского университета, в 1905 г. ректор того же университета, 6 июня 1905 г. участвовал в депутации общественных деятелей к Николаю II и произнес при этом речь о необходимости привлечения общества к участию в государственных делах. «Голицын», повидимому, кн. Александр Дмитриевич Голицын, бывший в 1905 г. председателем Харьковской губернской земской управы и участвовавший в земских съездах 1905 г. Позднее член III Государственной думы (фракции октябристов), а с 1915 г. член Государственного совета по выборам от Харьковского земства.

6) «Дмитрий Федорович» — здесь и ниже Д. Ф. Трепов.

7) «Алексей Александрович» — Лопухин; см. о нем выше, в предисловии к его письмам к Зубатову.

8) «Михаил Иванович» — здесь и ниже М. И. Гурович; см. о нем выше 1-е примечание к письмам Ратаева к Зубатову.

9) «Петр Иванович» — здесь и ниже П. И. Рачковский (1853—1911 гг.), известный деятель охранки, розыскная деятельность которого началась с 1883 г., когда он был причислен к департаменту полиции и стал одним из ближайших помощников знаменитого Судейкина. С 1885 г. заведывал парижской и женевской агентурой департамента полиции, а с 1899 г. всей заграничной агентурой. В октябре 1902 г. вышел в отставку. В феврале 1905 г. был назначен чиновником особых поручений при министерстве внутренних дел, а с июля того же года, после назначения Д. Ф. Трепова товарищем министра внутренних дел, заведывал политической частью департамента полиции на правах директора департамента. В 1906 г. вновь вышел в отставку.

10) Сергей Эрастович — С. Э. Зволянский; о нем см. выше, в предисловии к его письмам к Зубатову.

11) «Петр» — П. И. Рачковский.

12) Коваленский, бывший прокурор Варшавской судебной палаты, в 1905 г. короткое время занимал должность директора департамента полиции; после этого — сенатор. Коваленскому ставилось в вину, что он внес развал в дело политического розыска. В «Новом Времени» от 27 сентября 1911 г. была помещена «беседа» о реорганизации секретной полиции с одним лицом, «близко стоящим к полицейским сферам». Это «лицо» так отзывалось о Коваленском: «Коваленский ничего не сделал для улучшения розыска. Он относился к этому делу более чем легкомысленно. Рассказывают, что им было получено донесение об отправке из Лондона в Финляндию оружия для подготовлявшегося в то время московского восстания, причем указывались и лица, занимавшиеся этим делом. Коваленский продержал это донесение у себя в течение трех недель, и только случайно судно, севшее на мель в Финляндии, не доставило для московских революционеров динамита и оружия. В его время сыск находился в хаотическом состоянии и сведения из революционных сфер отличались большой неполнотой».

13) Тржецяк — жандармский офицер.

14) Медников имеет в виду убийство вел. кн. Сергея Александровича 4 февраля 1905 г. И. П. Каляевым и гр. П. П. Шувалова 28 июня 1905 г. П. Куликовским.

15) То есть подчинить охранные отделения начальникам жандармских управлений.

16) Макаров Николай Алексеевич с октября 1902 г. до начала августа 1905 г. и с января по февраль 1906 г. заведывал особым отделом департамента полиции. После был помощником московского градоначальника. Умер в 1906 г.

17) В июне 1905 г. М. И. Гурович был назначен начальником канцелярии помощника наместника на Кавказе по политической части; весь штат этой канцелярии был сформирован из бывших сослуживцев Зубатова.

18) «Григорий Михайлович» — Г. М. Трутнов, старший помощник делопроизводителя департамента полиции.

19) Квицинский Леонид Антонович — в 1904—1906 гг. старший помощник делопроизводителя особого отдела департамента полиции; позднее начальник охранного отделения в Туркестане.

20) Виноградов — чиновник департамента полиции, и. д. регистратора.

21) «Сережа» — так, повидимому, по ошибке Медников назвал сына Зубатова Николая.

22) «Александра Николаевна» здесь и ниже — жена Зубатова.

II.

[Июль 1905 г.] [1])

Петр Иванович [2]) здесь с женой и сыном, а берлинский жидочек так подлез к самой и сыну теперь собирается ехать заменять в Париж Леонида Александровича, которому предложил в отставку [3]). Каков брат П.; весь оказался, вечно он все с своей политикой. Где его слова, где его те разговоры? Помнишь, как он клялся быть верным союзником твоим, но теперь он другую поет песнь; ну, что Зубатов — фантазер! Мне это Михаил Иванович [4]) говорил. Следовательно, он тебя проваливает во всю; боится, [что] ты его перешебешь. Вот дипломатия! Никого он близко не пускает [к] Д. Ф. [5]). Я раз забрался, но мне и досталось, влоск положили и уложили. Восстановили нового директора, но тут у меня было повезло больше их, но сенат все покончил, а жаль, что сорвалось. Ну всего не переговоришь. Теперь одна мысль, как бы удрать поскорее и скорее из департамента. Александру Ивановичу дают Владимира и 2 500 рублей на лечение, да сейчас же ему отпустили 500 р. в день покушения. У него вышло а ля Дегаев: стрелял агент, которого увезли за границу сейчас же [6]). В Вильно из Киева рот. Шебеко, а Киев лысого Еремина [7]). Это выпросил А. И. и Ратко! Вот то же В. В. [8]) перец хороший; ну, бог ему судья, а не я.

Целую крепко. Где Коля [9])? Ни одной открытки от него нет. В Малееве [10]) пишут, что урожай большой.

Медников.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Письмо это, начало которого не сохранилось, датируется приблизительно. Оно написано незадолго до отставки Ратаева и замены его Гартингом, а эта отставка произошла 1 августа

1905 г. См. В. Агафонов «Заграничная охранка», 1918 г., стр. 69—70.

2) «Петр Иванович» — П. И. Рачковский.

3) «Леонид Александрович» — Л. А. Ратаев. «Берлинский жидочек» — Геккельман — Гартинг, сменивший Ратаева на посту заведующего заграничной агентурой департамента полиции.

4) «Михаил Иванович» — М. И. Гурович.

5) «Д. Ф.» — Д. Ф. Трепов.

6) «Александр Иванович» — А. И. Спиридович, в то время бывший начальником Киевского охранного отделения. Весной 1905 г. на Спиридовича было произведено неудачное покушение. В него стрелял, но промахнулся, рабочий с.-д. Руденко. Привлеченный к дознанию Руденко дал откровенные показания и сделался провокатором. Вскоре он раскаялся и, чтобы искупить свою вину, решил застрелить Спиридовича.

7) Шебеко и Еремин — жандармские офицеры.

8) «В. В.» — В. В. Ратко; о нем см. выше, в предисловии к письму его к Зубатову.

9) «Коля» — сын Зубатова.

10) «Малеево» — имение Медникова.

III.

Москва, 11—5—1906 г.

Здравствуйте дорогой и родной Сергей Васильевич,

Дорогой мой, что же у нас твориться на Руси? Боже, боже, как мы прогневали тебя! Пошли брат на брата. Читал ли ты № 63 от 3 мая газету «Реч», где целиком напечатан рапорт Макарова на предмет предания суду Петра Ивановича и Тимофеева с Будоговским [1]). Министр Дурново [2]) при подаче Макаровым рапорта и прочитав его, Макарова сильно благодарил пожатием руки и конечно передал его по принадлежности Петру Ивановича, от куда его и выкрали для печати! Как вам это нравится?

Что такое опять в «Гражданине» о тебе печатают [3]), для какой это надобности, и кому это нужно?

Я просматривал список думских депутатов [4]) — эта книжка стоит 12 коп. — где они разбиты по партиям, но, конечно, многими скрыты настоящие их направления. Они идут: 192 кадета, 57 прогрессистов, 47 поляков, да им на закуску 72 человека соц.-революц. Итог получается поразительный в 368 чел. большинства. Куда отнести 17 октября 18 человек и еще 48 беспартийных и 7 монархистов и получается одна смехота из 441 человека 73 человека меньшинство! Конечно, или надо распускать, или надо давать просимое думой. «Русские Ведомости» и «Дума» [5]) бьет тревогу относительно разгона думы. Я знаю из достоверного источника, что Муромцев [6]) будет своих сдерживать. Все же впереди видны тучи и тучи. Только бы скорее разразились.

Михаил Иванович [7]) пишет мне соболезнование и завидует моему уходу, говорит сил нет отказаться от должности, а с упразднением медлят. А я думаю, он так и не соберется уходить. То же и Спиря [8]) пишет и все же сидит в Питере, все тянет меня в дело. Говорю: дайте раз дохнуть, надо газеткой заниматься [9]). Ив. Фед. [10]) подружил с Петром Ивановичем, на проделках сошлись опять. Меня хотят привлечь к использованию в градоначальстве, но не думаю, что бы это меня устроило, все же хочится поотдохнуть хорошенько, забыть старое. Посмотрим, что будет.

На выставке скотоводства я купил бычка с серебряной медалью за 300 для племя, стадо очень хорошее. Строю кладовую, конечно, каменную, тридцать аршин на 12 для складывания всех продуктов, имущества и машин. Думаю, что мое имение останется за мной, так как оно все с лесом и лугами дорого стоит, а им хочется по дешевле, вот и решил построить каменную кладовую, конечно, разделив ее на две части, т. е. во всех отношениях не сгораемую, но и еще не возможную для кражи.

Баню тоже уже выстроил каменную, что бы не страховать. Теперь имение стало себя оправдывать продажей коровьего масла на 1 200 руб. в год, свиней руб. на 600, да браковок коров руб. на 500. Это доход, а расход: страховка 250 руб., да поземельные 300 руб., да жалование рабочим 800 руб., и все; следовательно, добавлять не придется. Вот и думаю, как только останусь на земле, то все за меню каменной постройкой, чтобы не платить страховых! Мысли, мысли, где же дела?

Напиши, какие газеты ты получаешь, а то можно кое-что тебе посылать. Напиши, какое твое мнение об аграрии [11]) и разгонят ли думу или нет. Всюду все добавляют стражников и городовых. М. В. Д. вносит проект об местном самоуправлении. Говорят Горемыкин [12]) пробудет только 2 или 3 месяца, а то опять Сергей Юльевич [13]) это место. Читал Сергея Юльевича реч в государственном совете по поводу амнистии и казни [14]). Какая хорошая реч. Все газеты в восторге от ума Сергея Юльевича и будет ему опять дана Россия, только без Дурново.

Устроились хорошо, так хорошо, что этого и не ожидал. Если будешь в Москве, то непременно за езжай, пожалуйста, за езжай. Ну, до свидания. Будь здоров. Целую тебя крепко, крепко. Жму руку. Привет самый теплый Александре Николаевне. Где Николай Сергеевич [15]), дома или за границей? Пиши. Тебя крепко любящий.

Твой *Е. Медников.*

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) В № 63 «Речи» от 3 мая 1906 г. был напечатан секретный рапорт заведующего особым отделом департамента полиции Макарова от 15 февраля 1906 г. министру внутренних дел о готовящемся в г. Александровске, Екатеринославской губ. еврейском погроме. Макаров сообщил, что погромная агитация в Але-

ксандровске ведется помощником начальника Екатеринославского губернского жандармского управления ротмистром Будоговским, распространяющим среди населения воззвания правых организаций, натравливающие население против «жидов и их братьев социал-демократов и революционеров» и призывающие всех «истинно-русских людей», «по первой тревоге собираться с оружием, косами и вилами на площади у народного дома и вступать под русские трехцветные знамена сформированной александровской русской боевой дружины, которая ринется с портретом царя и святой иконой на врагов наших краснофлажников». Далее в своем рапорте Макаров сообщал, что погромная агитация Будоговского была известна, по его собственным донесениям, заведывавшему политической частью департамента полиции Рачковскому и бывшему заведывавшему особым отделом департамента полиции Тимофееву, которые не только не противодействовали деятельности Будоговского, но, напротив, представили его к награде.

2) Дурново, Петр Николаевич (1845—1915 гг.) — с 23 октября 1905 г. по 22 апреля 1906 г. министр внутренних дел.

3) В «Гражданине» печатались письма в редакцию Зубатова; см. вступительную статью.

4) Депутатов I Государственной думы.

5) «Русские Ведомости» — либеральная газета, выходившая в Москве. «Дума» — газета, выходившая в 1906 г. в Петербурге под ред. П. Б. Струве.

6) Муромцев, Сергей Андреевич (1850—1910 гг.) — председатель I Государственной думы.

7) «Михаил Иванович» — М. И. Гурович.

8) «Спиря» здесь и ниже, повидимому, А. И. Спиридович; о нем см. примечание 6-е к предыдущему письму.

9) Очевидно Медников имел отношение к какой-то черносотенной газете: к какой именно, к сожалению, неизвестно.

10) «Ив. Фед.» — И. Ф. Манасевич-Мануйлов, который в 1905—1906 гг. был близок с П. И. Рачковским; о Мануйлове см. выше, в предисловии к его письмам.

11) То есть о законопроекте по аграрному вопросу, который в то время обсуждался в I Государственной думе.

12) Горемыкин, Иван Логинович (1839—1917 гг.), — 24 апреля 1906 г. был назначен председателем совета министров вместо гр. С. Ю. Витте.

13) Действительно Горемыкин пробыл председателем совета министров меньше трех месяцев и 8 июля 1906 г. был уволен

от должности. Однако преемником его был назначен не С. Ю. Витте, как предполагал Медников, а П. А. Столыпин.

14) Медников имеет в виду речь, произнесенную Витте в Государственном совете 4 мая 1906 г. при обсуждении ответного адреса на тронную речь Николая II. В своей речи Витте говорил о необходимости избегать осуществления таких мер, которые могли бы вызвать новую революционную вспышку; в частности по вопросу об амнистии по делам о политических преступлениях Витте высказался за допустимость ее в весьма узких рамках, находя, что объявление амнистии не только не внесет успокоения в страну, но может способствовать усилению революционного движения.

15) «Николай Сергеевич» здесь и ниже — сын Зубатова.

IV.

Москва, 26—8—1906 г.

Дорогой и родной Сергей Васильевич,

Письмо сегодня получил. Я только что вернулся из Питера, там пробыл три дня. Дмитрий Федорович [1]) уходит, он страдает в сильнейших размерах астмой, а вернее жабой. На его место прочат Дидюлина [2]). Наши канальи [3]) в большом смущении и сильно повесили носы, но я думаю Спиридович уйдет, его все же хотят вытащить в особый отдел, но он очень торгуется и едвали ему это удастся сделать. Вчера же там встретил Михаила Ивановича, который вернулся с Кавказа вместе с Ширинкиным [4]), остались по упразднении за штатом. Страшно ругает наместника и Ширинкина, а более всего Квицынского [5]), который конечно его продал с ног до головы, ну и Трутнову [6]) попадает очень здорово. Он хочет ехать на зиму за границу. Да в Питере, и в особенности в департаменте, распустили слух, что Спирька с ума сошел, да так убедительно, что слова нельзя сказать против этого. Иван Федорович, кажется, уцелел после Федорова, говорит Столыпин остался доволен его поездкой [в] Москву [7]). Герасимов темнее

тучи, все грозится кулаком по адресу нигилистов, а у самого у самого носа три таких случая произошли [8]. Нахал! Засыпкин [9]) уже полковник, Спиридовича и Климовича представляют в полковники тоже, а Петерсон все еще ротмистр и в Сасове на железной дороге [10]). Я думаю, к новому году и Вас. Вас. и Борис Андреевич [11]) будут полковниками.

На днях я встретил Колю [12]), он сильно возмужал, я его ели узнал, он высматривает молодцем, но куда то он спешил, так и не пришлось поболтать, я очень сожалел о сем. На Фонтанке [13]) работы пропасть, хоть еще такой же состав давай, но там теперь занимаются более статистикой, чем делом, так как все пишут, пишут и пишут, а Климович [14]) просился на день Петр [15]) говорит нельзя, а сами все пишут и пишут.

Очень неказисто живет Алексей Александрович [16]), получал он после директорства по 500 руб. в месяц, а после речи Урусова [17]) и эту сумму отняли. Очень перебивается, и денег у него ни гроша, детей не на что выписать из деревни, до сих пор все жили в чужой квартире, а теперь он снял далеко на Преображенской, да еще в переулочке. Вот судьба. Сперва сулила благие надежды, а сейчас одно горе. Даже адвокатствовать ему совет присяжных отказал. А жить надо, набаловались за последнее время.

Крепко целую, крепко жму руку вам всем

Евстратий.

Глубокоуважаемой Александре Николаевне самый теплый привет прошу засвидетельствовать.

У Николая Алексеевича Макарова [18]) болезнь «нефрид» царская; едет, бедный, за границу, конечно, померать; его очень жалко.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) «Дмитрий Федорович» — Д. Ф. Трепов.

2) Не «Дидюлин», а Дедюлин, Владимир Александрович (1858—1913 гг.) — в 1906 г. командующий отдельным корпусом жандармов; в сентябре того же года был назначен дворцовым комендантом.

3) «Наши канальи» — очевидно, П. И. Рачковский и И. Ф. Манасевич-Мануйлов.

4) Ширинкин — помощник наместника на Кавказе по политической части в 1905—1906 гг.; при нем состоял, как сказано выше, М. И. Гурович.

5) О Квицинском см. выше примечание 18-е к письму Медникова от 30 июня 1905 г.

6) Трутнов, Григорий Михайлович, — ст. помощник делопроизводителя департамента полиции.

7) О какой поездке Мануйлова в Москву и о каком Федорове говорится в письме Медникова, нам определить не удалось.

8) А. В. Герасимов в это время, как упоминалось выше, был начальником Петербургского охранного отделения. Один из «трех случаев», упоминаемых Медниковым, — повидимому, убийство 1 июня 1906 г. в Петергофе социалистом-революционером Васильевым ген. Козлова, принятого террористом по ошибке за Д. Ф. Трепова. Какие другие два случая имеет в виду Медников, не ясно.

9) Засыпкин — жандармский офицер.

10) Петерсон — жандармский офицер, служивший в Московском охранном отделении в бытность начальником этого отделения Зубатова. В 1909 г. был назначен начальником Варшавского охранного отделения. В 1906 г. недолгое время состоял начальником Московской охранки. Сасово — станция Московско-казанской железной дороги.

11) «Вас. Вас.» — Василий Васильевич Ратко; о нем см. выше, в предисловии к его письму к Зубатову. «Борис Андреевич» — Б. А. Герарди, жандармский офицер, служивший при Зубатове в Московском охранном отделении, в 1903 г. был назначен помощником начальника Петербургского охранного отделения, а с 1905 по 1917 г. состоял начальником дворцовой полиции.

12) «Коля» — сын Зубатова.

13) В департаменте полиции.

14) О Климовиче см. выше, в предисловии к его письму к Зубатову.

15) «Петр» — П. И. Рачковский.

16) «Алексей Александрович» — А. А. Лопухин, в это время находившийся уже в отставке.

17) Кн. Урусов, Сергей Дмитриевич, бывший в 1905—1906 гг. товарищем министра внутренних дел и избранный депутатом I Государственной думы, произнес в заседании ее 8 июня 1906 г. нашумевшую речь, содержавшую в себе разоблачения относительно того, что в департаменте полиции жандармским офицером Комиссаровым печатались погромные черносотенные воззвания. Материал для этих разоблачений Урусов получил от А. А. Лопухина, приходившегося ему родственником.

18) О Н. А. Макарове см. выше примечание 16-е к письму Медникова от 30 июня 1905 г.

V.

Москва, 3—9—1906 г.

Дорогой Сергей Васильевич,

Сейчас прочел, что Д. Ф. Трепов вчера скончался. Я неделю назад был [в] Питере. Мне Герасимов рассказывал, как он накануне нашего разговора видел Д. Ф., который от грудной жабы задыхался и только говорить мог при открытом окне, сидя на подоконнике. Потеря Д. Ф. очень отзовется на устоях самодержавия. Говорят на его место будет назначен Дедюлин, а теперь по всей вероятности Волкова, бывш. московского градоначальника. Сегодня еду на два дня [в] Питер по личным частным делам. Если будешь в Москве, зайди Долгоруковская, 108, Ефимов, кв. № 17. Очень буду рад.

Крепко целую твой *Е. Медников.*

Глубокоуважаемой Александре Николаевне самый сердечный привет.

ПРИМЕЧАНИЕ.

О Дедюлине см. примечание 2-е к предыдущему письму.

VI.

Москва. 3—XII—906.

Дорогой Сергей Васильевич,

Михаила Ивановича Рогова (Рождественского) адрес: Н.-Новгород, Больничная у., № 12 [1]).

Я слышал, что вы 6 декабря будите [в] Москве, то, конечно, на эту тему можно и поговорить. Что вы писали и что вам ответили, из письма вашего ничего не видно, а по сему трудно что-нибудь сказать за и против; надо хорошенько взвесить и примерить и тогда только можно высказываться. Только одного не понимаю я, как можно соединить два противоположенные основания и как их можно согласовать, — веть, они революционеры, а мы монархисты. Если прочитать несколько книг «Былого», то можно сделать заключение, что это не история движения, а просто святцы и житие святых мучеников и сподвижников. Как согласовать главные разновидные черты, чтобы книга имела одно направление, этого, хоть убей меня, я не понимаю! так как они целиком ваших статей не поместят, а будут извлекать только, что им подходящий материал, что бы направление не изменять. Следовательно, получиться эксплотация. Если хочешь писать историю движения, то надо ее начать с начала и согласно официальных дел и документов. В этом роде мы имели большой разговор с Ратаевым, который намерен издавать мемуары революционного движения, и он мне предлагал сотрудничество и говорил, что заработаем милион. Вот бы составить компанию из отставных чинов, а ведь их очень много. Вот бы вышла история. Силы есть всякие. Здесь создать можно хорошую издательскую компанию. Куда лучше бы было «Былого» и всякой леберды революционной. Кажется, я зарапортовался, но думаю, надо бы

это обдумать хорошенько — веть Спиря [2]), Алешка [3]), Раташка [4]), Левушка [5]), Мамочка [6]), Михо, «Михо-Маленький» [7]). Леонид Петрович [8]) 100 тыс. денег на эту затею найдет, — надо подумать! Пока что, а Леонид Петрович подал в отставку; ему обещали к казенной пенсии до испросить высочайшей добавки до 2 000 р. Яшка [9]) все же вырвал до 2 000 р., т. е. добавки 425 р.; все с собаки шерсти клок; уже в знак моего участия он дал мне взятку и написал мои инициалы и 425, доволен.

Крепко целую. Весь ваш *Ев.*

Глубокоуважаемой Александре Николаевне горячий шлем привет.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) К сожалению, определить личность Рогова (Рождественского) нам не удалось.

2) «Спиря» — повидимому, А. И. Спиридович.

3) «Алешка» — А. А. Лопухин.

4) «Раташка» — Л. А. Ратаев.

5) «Левушка» — повидимому, Леонид Петрович Меньщиков. Л. П. Меньщиков в середине 80-х годов вращался в московских революционных кружках. Арестованный в феврале 1887 г. Меньщиков дал откровенные показания и поступил на службу в охранку, где работал под руководством Зубатова в качестве ближайшего его помощника. В 1903 г. был переведен в Петербург на должность старшего помощника делопроизводителя департамента полиции. В 1905 г. сообщил социалистам-революционерам о провокаторской роли Азефа и Татарова. Ввиду того, что у Рачковского явились подозрения на счет Меньщикова, служебное положение последнего пошатнулось, и он был переведен в Финляндию заведывать агентурой. В 1906 г., подав в отставку, Меньщиков уехал за границу и выступил с разоблачением работавших в то время на департамент полиции провокаторов.

6) «Мамочка» — долголетняя сотрудница московской охранки Анна Егоровна Серебрякова.

7) «Михо» и «Михо-Маленький», повидимому, М. И. Гурович и М. Е. Бакай.

8) «Леонид Петрович» — Л. П. Меньщиков.

9) «Яшка» — Яков Григорьевич Сазонов, жандармский офицер, бывший помощником начальника Московского охранного отделения при Зубатове, в 1903 г. переведенный на должность начальника Петербургского охранного отделения и при выходе в 1905 г. в отставку получивший пенсию в 2 000 р. в год.

VII.

Москва, 14—XII—1906 г.

Дорогой Сергей Васильевич,

Мне сказали, что вы будите в Москве 6 декабря в отделении Дмитрий Васильевич, а он слышал от Марии Васильевны. Она тут одно время сильно боялась за Николая Васильевича [1]), относительно праздничных дней, но боязнь оказалась напрасная; все обстоит благэполучно. Большое вам и Александре Николаевне спасибо за память, в особенности дорог этот день, так как мне перевалило за пятьдесят! Следовательно, отжарили полвека. Вчера получил от Спирьки [2]) письмо. Кроме поздравления ангельского, но этот день тоже юбилейный. Ровно 25 лет я с ним познакомился. Он особенно это отметил тем, что за это время всех 25 лет ни одного не было облачка на нашем горизонте, кроме взаимного уважения. Конечно, это весьма отрадно, но веть, дорогой мой, и еще веть и наш с вами нынешний год юбилейный; веть стукнуло 20 лет с того времени, как мы с вами знакомы. По моему, надо бы чем ни на есть, но ознаменовать этот момент. Как только собиретесь в Москву, то непременно в Московской [3]) надо справить обедом по старинке, т. е. с содовой водичкой! и в том самом зале, где так тепло разбирался у нас с вами каждый вопрос. Был на днях Меньщиков; я, кажется,

что, вам о нем писал; уходит в отставку; по его словам ему дадут 2 000 р. пенсии, т. е. одинаково с Сазоновской [4]).

Все помаленьку выкатываются от тех прекрасных мест. Николай Алексеевич Макаров очень плох, едва ли он вынесет тот недуг, который его приковал к постеле. Никак я не пойму, чего к вам привязываются Былой, мне кажется, что то здесь неспроста, а что не знаю и понять не могу, а вы как то относитесь с предупредительностью к ним. Вы то на мой вопрос не ответили по этому самостоятельному делу. Вы как то хотели написать брошюру об агентуре и ее в общественном мнении реабилитировать. Вот это было бы чистое благодеяние.

Союз русских людей, выпуская некоторые воззвания, как то не понимает значения слов, а затем языком не простым, народным, а все же литературным, от чего массу теряют народного значения, и в такой литературе им трудно понять что собственно хотят и предлагают этими воззваниями народу. Тысячу раз нет и нету нас людей с политическом нюхом, а хотят казаться таковыми и все путают одно с другим и валят в одну яму и думают дела делают. Скучно смотреть на этих мышиных жеребчиков, а как возможно было поставить все на торную дорогу, благо есть возможность делать, то что навертывается около союза, октябристов и русских людей.

Крепко целую. Крепко жму руку вашу и прошу засвидетельствовать глубокоуважаемой Александре Николаевне глубокий и сердечный привет.

Весь ваш *Евстратий.*

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) «Дмитрий Васильевич» — повидимому, Д. В. Попов, чиновник, прикомандированный к Московскому охранному отделению. «Марию Васильевну» и «Николая Васильевича» нам определить не удалось.

2) «Спирька» — в данном случае, несомненно, не А. И. Спиридович, а кто-то другой, так как со Спиридовичем Медников не мог быть знаком в течение 25 лет.

3) То есть в ресторане при Московской гостинице в Москве.

4) О Сазонове см. выше, примечание 9-е к предыдущему письму.

VIII.

Москва, 5—I—1907.

Дорогой Сергей Васильевич,

В конце декабря я был [в] Петербурге. Конечно, видел Михаила Ивановича и Ивана Федоровича [1]). Последний мне рассказал, что он получил от вас письмо, и рассказал его содержание. Он очень удивляется для чего нужно входить в близкие отношения с названными там лицами [2]), а затем рассказал, как министр [3]) ценит зубатовцев, с удовольствием увольняют Леонида Петровича [4]), дают пенсию в две тысячи и добавляют: ну, слава богу, кажется, что последний зубатовец уходит. Помнишь треповские слова «мерзавцы»; они привиты к Столыпину, и Макарову [5]), и многим другим. Все теперешние неудачи приписываются разрушительному влиянию зубатовской школы; должно, кому нужно выходить сухим, тот не дремлет, и валят все на старую систему зубатовщины. По поводу зубатовщины министр высказался одному высокопоставленному лицу, просившаго за одного зубатовца. Факт этот верен, и ругают нас во всю и во всякое время. Мне один барин пишет, что образцовая питерская охр[анка] работает великолепно, например, Севастополь (неплюевские бомбы, это дело питерской охр[анки] [6]), Аптекарский

остров [7]), генералы: Козлов [8]), Мин [9]), Фонарный переулок [10]), Дубасов [11]), Лауниц [12]), Павлов [13]) и много еще кое-чего найдется, — добавляет мой барин.

Не пора ли А. В. Г[ерасимову] генерала дать? Конечно столько отличий наделано. Боже упаси каждого.

Отвез в Питер я и Николая Алексеевича Макарова. Похороны были великолепными, в Москве проводы были торжественные. Похоронили на Волковом кладбище в общем склепе Макаровых, великолепный мазолей, все отделано под мрамор. Видел я там на похоронах и товар[ища] министра Макарова, говорил с ним, он очень меня благодарил за оказанную любезность по поводу моей встречи на границе Макарова, возвращающегося больным [в] Москву.

С новым годом, дорогой Сергей Васильевич, поздравляем вас и Александру Николаевну и Николая Сергеевича. Дай вам бог всего хорошего, а главное здоровья, а Николаю Сергеевичу скорейшего окончания наук и счастливо выйдти из всех освободительных передряг.

С 1 января новая группировка так называемых областных розыскных пунктов: Москва, Питер, Киев, Одесса, Вильна, Варшава, Рига, Самара, Кавказ. В московскую группу входят 11 губерень. Теперь кажется наладили; только все же придется припомнить дедушку Крылова «Музыкантов». Кадеты нос подняли высоко, что то сделают. Октябристы пустились в литературу, выпустили газету «Голос Москвы», судя по составу участников хозяев газета выдержит какую угодно атаку, но кто там будут сотрудничать? Издатель и редактор А. И. Гучков [14]).

Самый сердечный привет глубокоуважаемой Александре Николаевне и Николаю Сергеевичу. Крепко целую и крепко жму вашу руку.

Весь ваш *Е. Медников.*

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) «Михаил Иванович» — М. И. Гурович. «Иван Федорович» — И. Ф. Манасевич-Мануйлов.

2) То есть с В. Л. Бурцевым.

3) «Министр» — П. А. Столыпин.

4) «Леонид Петрович» — Л. П. Меньщиков.

5) Макаров, Александр Александрович — в 1906 по 1909 г. товарищ министра внутренних дел, заведывавший департаментом полиции. Позднее с 1909 г. — сенатор, в 1911—1912 гг. — министр внутренних дел, с 1912 г. — член Государственного совета, в 1916 г. — министр юстиции.

6) Медников имеет в виду состоявшееся 14 мая 1906 г. в Севастополе покушение на командира Севастопольской крепости генерала Неплюева. Почему Медников считает «неплюевские бомбы» делом питерской охранки, неизвестно.

7) «Аптекарский остров» — покушение на Столыпина, организованное максималистами. Террористы 12 августа 1906 г. взорвали его дачу, находившуюся на Аптекарском острове; однако, сам Столыпин остался невредимым.

8) Об убийстве Козлова см. выше, примечание 8-е к письму Медникова от 26 августа 1906 г.

9) Ген. Мин, командир Семеновского полка, руководивший действиями этого полка при подавлении московского вооруженного восстания в декабре 1905 г., был убит в Петергофе 13 августа 1906 г. Зин. Коноплянниковой.

10) «Фонарный переулок» — нашумевшая в свое время экспроприация, организованная максималистами в Фонарном переулке 14 октября 1906 г.

11) Адмирал Ф. В. Дубасов, бывший московским генерал-губернатором во время декабрьского восстания, 2 декабря 1906 г. в Петербурге был ранен двумя рабочими социалистами-революционерами: Березиным и Воробьевым.

12) В. Ф. фон-дер Лауниц, петербургский градоначальник, убит 21 декабря 1906 г. членом боевой организации партии с.-р. Кудрявцевым.

13) В. П. Павлов, главный военный прокурор, убит 27 декабря 1906 г. в Петербурге матросом с.-р. Егоровым.

14) «Голос Москвы» — газета, выходившая в Москве с 1907 г. и являвшаяся органом «Союза 17 октября». Основателем этой

газеты был лидер октябристов Александр Иванович Гучков. Средства на ее издание были даны представителями крупной московской буржуазии.

ПИСЬМО С. В. ЗУБАТОВА К Е. П. МЕДНИКОВУ

7—I—1907 г.

Дорогой Евстратий Павлович!

Совершенно мне непонятно, чего хотят люди, раздувая мою переписку с «Былым»? Меня обругали, я также обругался, тогда перешли со мною на хороший тон, я ответил тем же и попросил дружеского мнения у своего приятеля, чтобы проверить себя, и получил в ответ предостережение, которое вполне гармонировало и с моим личным впечатлением (хотя тон письма и был наставнический).

Из-за чего понадобилась тревога? Какая ее цель?

Ума и здравой памяти я не терял, как и политических способностей. Поэтому отвечать на внимание политического врага скандалом не находил политичным, полагая, что отвести от порога можно не только дерзостью, но и вполне благопристойно. Я защищал и защищаю самодержавие не по найму, служил по убеждению, а не из-за денег (что Б[урце]вы и почувствовали), а потому отказ от своего прошлого равнозначащ для меня отказу от своего «я», от своего самолюбия.

С другой стороны, эта же моя искренность убеждений делает очень тяжелой всякую неправду в понимании моей деятельности (ставшей уже историческим моментом и отмеченной разными книгоиздательствами), и я не боюсь спора и отстаивания своих взглядов перед легионом Б[урцевы]х, так как все исповедуемое мною глубоко продумано, прочувствовано, пережито и запечатлено потерей служебной карьеры.

Б[урце]вы хотят, чтобы я изложил в системе свои взгляды, а я думаю, что это еще рано.

Отказ от продолжения сношений тождествен в моих глазах бегству, пряткам, бессилию в объяснениях. [Такова честная постановка вопроса, но возможно, что для интриги против меня, эти сношения могут оказаться небезвыгодными. Не знаю. Пусть попробуют. Нынче время гласности и обнаружить истину легче] *).

Хотя думаю, что весь шум является просто недоразумением и плодом некоторой неосторожности в переписке.

Ругань «зубатовщины» (политической) только смешна: ее роль и значение признаются даже пострадавшими от нее в массе журналов, на нее просто не стоит обращать внимание, как на проявление сердитого бессилия. Я лично ищу ныне только полного уединения и забвения.

Крепко обнимаю *С. В.*

А. Н. и Коля шлют привет, наилучшие пожелания в новом году.

ПРИМЕЧАНИЕ.

«Приятель», о котором упоминает Зубатов, — И. Ф. Манасевич-Мануйлов; см. выше его письмо к Зубатову от 11 января 1907 г.

ПИСЬМА Е. П. МЕДНИКОВА.

IX.

Москва, 12—I—1907 г.

Дорогой Сергей Васильевич,

Письмо ваше я получил, из которого видно, что вы недовольны моим вам сообщением относительно вашего послания Ив. Федор. [1]), но что же делать: я слышал и

*) В квадратных скобках — зачеркнутое автором. — *Б. К.*

вам рассказал подробно. Меня еще просил это сделать и Михаил Иванович [2]), который страшно побаивается, чтобы ему не проскочить со своей добавочной пенсии.

Я был 8 января на патриотическом вечере [в] дворянском собрании, давали Союзы русских людей и монархисты [3]). Этот вечер у меня надолго останется в памяти. С таким восторгом слушали ораторов, которым все время аплодировали, а начали с народного гимна, который повторяли без конца при криках: «ура!» Я думал, что нахожусь где то в другом царстве, а не в русском, столько было сказано горячих слов и не особенно шаблонно. Говорили: отец Восторгов [4]), Григмут [5]), Назаревский [6]), Иловайский [7]), Бартеньев [8]), Новиков [9]) и другие, но самый смак — первые трое, хорош был и Бартеньев, но Григмут с Назаревским неотразимо привлекательны. На вечере было около 5—6 тысяч человек. Тут масса было кадет, октябристов и, конечно, масса жидов; последние хотели было что то выкинуть, но убоялись: очень настроение было приподнятое. Масса было начальства: военных с губернатором во главе, [в] парадных формах; масса имела в петлицах национальных цветов бутоньерки и значки. Я никогда с таким наслаждением не был так удовлетворен и восхищен. Григмут говорил о русском евангелии и апостолах. Первое — это самодержавие, а второе — наши братья Киреевские, Аксаковы, Хомяков, Самарин и о Каткове особенно вышло сильно. Все присутствующие даже в это время приподнялись с мест. Каткова так охарактеризовал, как великого апостола. Представь, все и кадеты одинаково увлеклись ораторами, хлопали во всю и лохмачи тоже сперва морщились, а потом разошлись. Вот, дорогой, что настроение делает!

Все пока по старому, никаких новостей, вчера вошел в старую колею Ник. Вас., Дмитрий Васильевич [10])

намылил ему сильно шею, но Ник. Вас. жалуется почему то на свою супругу, должно она его сильно отравляет.

Ну, пока живы и здоровы, нервы по старому все бушуют, чуть что-нибудь, то и за бром с лавровишнями каплями берусь. Е. Г. [11]) вам шлет привет. Крепко целую и жму вашу руку.

Весь ваш *Е. Медников.*

Глубокоуважаемой Александре Николаевне шлю самый горячий привет и Николаю Сергеевичу таковой же.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) «Ив. Федор.» — И. Ф. Манусевич-Мануйлов.

2) «Михаил Иванович» — М. И. Гурович.

3) 8 января 1907 г. московские монархисты организовали «патриотический вечер» в пользу беднейших приходов Холмской Руси и местностей, постигнутых неурожаем.

4) Священник Восторгов, Иван Иванович, проповедник-миссионер, известный черносотенец, председатель Союза русского народа в Москве. На вечере 8 января он произнес речь на тему «Патриотические союзы и их отношение к религии».

5) Не «Григмут», а Грингмут, Владимир Андреевич, известный монархист, редактор «Московских Ведомостей». На вечере 8 января произнес речь на тему «Апостолы и ученики нашего национального евангелия».

6) Назаревский, Борис Владимирович, известный монархист.

7) Иловайский, Дмитрий Иванович, историк, монархист, на вечере 8 января говорил по поводу выборов во II Государственную думу.

8) Не «Бартеньев», а Бартенев, Юрий Петрович, московский цензор, монархист. На том же вечере говорил речь «Помраченный идеал».

9) Не «Новиков», а Никитин, Евгений Александрович, классный надзиратель катковского музея в Москве, монархист, говоривший на вечере на тему «Свободная личность и христианское общество».

10) О Дмитрии Васильевиче и Николае Васильевиче см. выше, примечание 1-е к письму Медникова от 14 декабря 1906 г.

11) «Е. Г.» — Екатерина Григорьевна Румянцева, сожительница Медникова, содержавшая конспиративную квартиру, которой пользовался департамент полиции для сношений с агентами.

X.

8—6—1908 г.

Дорогой Сергей Васильевич,

Я никогда не говорил с вами о моем желании итти опять на службу. Я вам говорил, что Герасимов [1]) очень просил меня остаться у него в отделении, на всех основах, что и в департаменте в финанс[овом] и других довольствий. Я только их благодарил за внимание. Всегда этим и кончал. Не знаю, откуда вы нашли, что у меня есть желание на службу. Я об этом вас не просил, а когда с вами видался, то всегда говорил: славу господу, что унес ноги оттуда — и был всегда отставкой своей доволен, и в особенности, когда мне дослали 1 000 руб. праздничных, которые брат П. [2]) было вычеркнул из списка на Пасху. Не знаю, как вы додумались, да помимо моей воли решили писать Максимилиану Ивановичу [3]) о определении меня в департамент. Следовательно, вы писали, что вас просил содействия я, как на самом деле этого никогда не было, да мне и надобности никакой нет итти на службу, так как дома делов по горлю. Веть дело-то расширино почти в два раза, т. е. в хозяйственном отношении, эксплоатация леса, распашка полей почти в два раза. Тут некогда думать еще о службе, надо делом заниматься. Я не знаю, право, откуда у вас явилась мысль, что я бы пошел служить, да еще в департамент. С вами о сем много говорилось и каждый раз все отрицательно к сему. Когда я к Герасимову зашел вечерком, то он меня забрал в объятия

и, целуя, поздравлял меня с возвращением [в] департамент. Я ему сказал это какое-нибудь недоразумение, так как он меня увирел, что ему Макаров [4]) сказал, что он сегодня утвердил доклад о моем возвращении в департамент. Я ему сказал: никто этого мне не предлагал и никому я своего согласия не давал. На днях Михо [5]) то же пишит: когда же ждать теперь, я ему написал: когда Нева пойдет обратно в Ладожское озеро! Таким образом, дорогой мой Сергей Васильевич, надо это оставить навсегда и не держать в уме. Нервы, конечно, разбиты, их надо поправлять массу лет и то при хороших обстоятельствах и конечно не на службе.

Целую крепко. Весь ваш *Е. Медников.*

15 июня едем купаться в Ялту. Может, часть нервов потопим.

На днях получил сведение вопрос обо мне окончательно прекращен, письмо вернул Мак[аров] к себе.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Герасимов, как указывалось выше, в это время был начальником Петербургского охранного отделения.

2) «Брат П.» — П. И. Рачковский.

3) «Максимилиан Иванович» — М. И. Трусевич, бывший в это время директором департамента полиции.

4) А. А. Макаров, товарищ министра внутренних дел; о нем см. выше, примечание 5-е к письму Медникова от 5 января 1907 г.

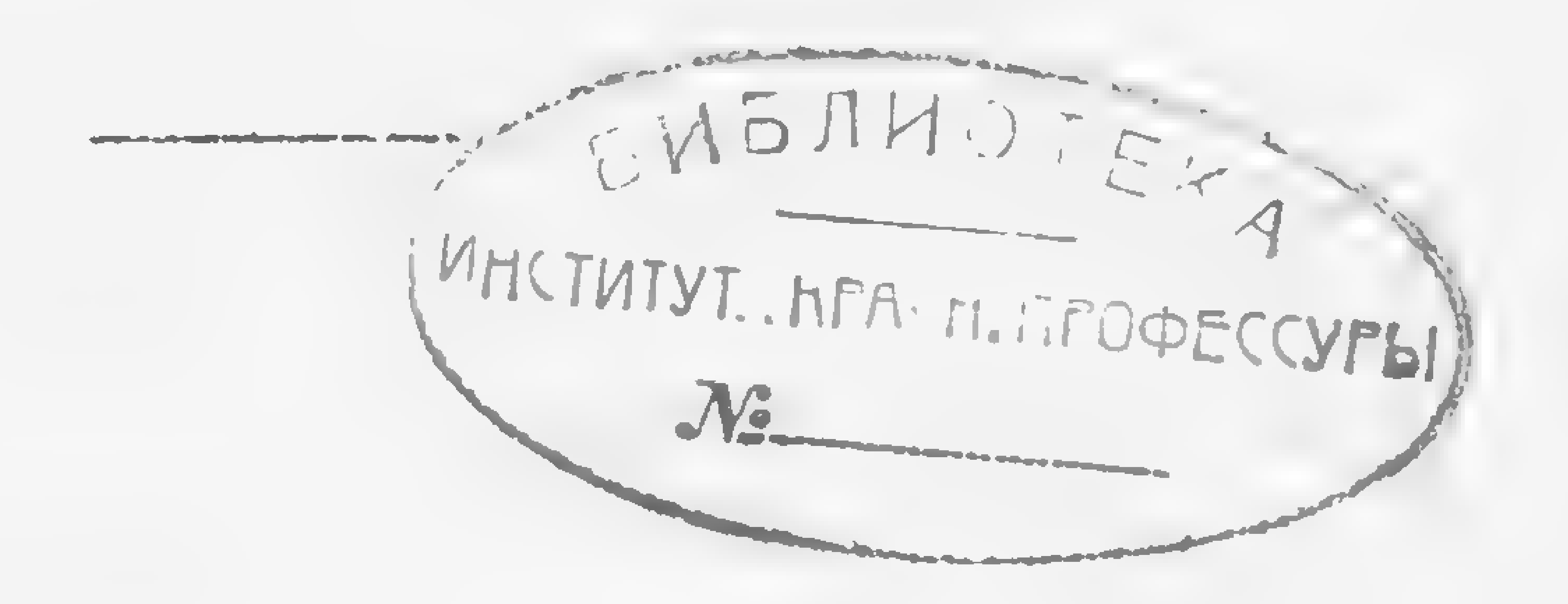
5) «Михо» — Михаил Иванович Гурович.

Глубокоуважаемый Сергей Васильевич,

После восьмимесячного сидения по тюрьмам, в том числе и Петропавловской крепости, меня выслали в тайгу Тобольской губ. на три года. Тяжелое физическое и нравственное положение заставили меня искать лучшего положения, и я, после некоторого колебания, пробрался за границу. Пока не знаю французского языка, думаю придется плоховато, но к осени надеюсь совладать с ним и поступить в Сорбонну. За время моей службы у меня собрался большой материал наблюдений из жизни того мира, в котором мне пришлось по воле судьбы вращаться несколько лет. Думаю, что если придать этому материалу литературную форму, то выйдет недурно. Вы человек опытный и в данном деле можете помочь своим советом. Как мне начать писать: в форме ли объективного наблюдения над жизнью вообще или же жарить с фактической стороны?

Ожидаю от вас скорого ответа, а пока всех благ.

Михаил Бакай.

ПИСЬМО М. Е. БАКАЯ.

О Михаиле Ефимовиче Бакае нам пришлось уже говорить выше (см. примечания к письму В. Бурцева от 15 августа 1908 г.). Публикуемое ниже письмо относится к тому времени, когда он бежал из Обдорской ссылки и добрался до Парижа.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

